

Анатолий Шигапов

**Белый
Янтарь
Тени
Альбертины**

Анатолий Шигапов

Белый Янтарь Тени Альбертины

«Автор»

2026

Шигапов А.

Белый Янтарь Тени Альбертины / А. Шигапов — «Автор», 2026

Алиса Штерн, успешный нейросетевой архитектор из Кремниевой долины, получает известие о смерти своего деда, Виктора Штерна. Она приезжает в Калининград, чтобы разобраться с наследством, и оказывается в центре тайны, связанной с Янтарной комнатой. Оказывается, янтарь - это не просто камень, а носитель древней информации, а Янтарная комната - не произведение искусства, а машина, способная переписывать реальность. Алиса узнаёт, что обладает уникальной мутацией, позволяющей ей взаимодействовать с янтарём. Она находит дневник деда, собирает Пси-призму и сталкивается с корпорацией «Балтийский ИИ», возглавляемой Аркадием Гофманом. Гофман хочет использовать Комнату для создания «Ноева ковчега» - реальности, в которой выживут только избранные. Алиса должна остановить его.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Белый Янтарь Тени Альбертины

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках вторую книгу цикла «Балтийский Рубикон». Её предшественница называлась «Чёрный янтарь» - и это название было не случайным. В первой книге мы знакомимся с миром, где обычный камень оказывался носителем древней памяти, где прошлое оживало в прикосновении к смоле, где Алиса Штерн, нейросетевой архитектор из Кремниевой долины, делала свои первые, самые трудные шаги в реальности, о которой даже не подозревала.

Теперь, во второй книге, мир расширяется. Чёрный янтарь уступает место белому. Тени становятся объёмными. Архив открывает свои двери. И мы вместе с Алисой погружаемся в лабиринт, где каждый поворот - это испытание, каждый ответ - это вопрос, а каждая потеря становится обретением.

Если первая книга была о *пробуждении*, то вторая - о *становлении*. О том, как человек, получив силу, учится ею распорядиться. О том, как знание превращается в мудрость. О том, как любовь становится единственным верным компасом в мире, где реальность перестаёт быть надёжной.

Когда я заканчивала «Чёрный янтарь», я понимала: история только начинается. Алиса сделала первый шаг. Она активировала первый узел, столкнулась с Гофманом, потеряла друзей и обрела новую семью. Но она ещё не стала *оператором* в полном смысле этого слова. Она ещё не приняла окончательного решения. Она была на пороге - и этот порог нужно было переступить.

«Тени Альбертины» - это книга о переходе. О том, как Алиса переступает порог между обычным миром и миром янтаря, между человечностью и чем-то большим, между прошлым и будущим.

Я видела этот переход как путешествие вглубь. Не вглубь земли - вглубь себя. Вглубь памяти. Вглубь тех вопросов, которые мы обычно избегаем: что такое свобода? Что такое ответственность? Что такое любовь?

Архив Альбертины, где происходит большая часть действия второй книги, - это метафора этого путешествия. Двенадцать секторов. Двенадцать испытаний. Двенадцать голосов прошлого, которые ждут, чтобы их услышали.

Каждый из этих голосов - это часть человеческого опыта. Математика, физика, химия, биология, теология, история, музыка, астрономия, филология, юриспруденция, медицина, философия - всё это грани одного целого. И чтобы стать стражем, нужно принять их все. Не как знания - как мудрость.

В первой книге чёрный янтарь был главным героем. Он хранил память, он был носителем информации, он был ключом к Комнате. Чёрный янтарь - это *сохранение*. Это то, что остаётся, когда всё остальное уходит. Это память о тех, кого мы любили. Это голоса, которые продолжают звучать.

Во второй книге появляется белый янтарь. Он - антипод чёрного. Если чёрный сохраняет, белый стирает. Если чёрный - это прошлое, то белый - это будущее. Если чёрный - это любовь, то белый - это контроль.

Марта фон Витгенштейн, главный антагонист второй книги, использует белый янтарь. Она хочет стереть реальность, чтобы создать новую - идеальную, управляемую, лишённую страданий. Она не понимает, что страдания - это часть жизни. Что без боли нет любви. Что без хаоса нет порядка.

Конфликт между чёрным и белым янтарём - это конфликт между двумя подходами к реальности. Между *принятием* и *контролем*. Между *любовью* и *властью*.

И Алиса, которая уже носит в себе чёрный янтарь, должна научиться противостоять белому. Не уничтожая его - принимая. Интегрируя. Находя баланс.

Архив Альбертины - это не просто место. Это экзамен. Самый сложный экзамен в жизни Алисы. И, возможно, в жизни любого, кто когда-либо искал истину.

Двенадцать хранителей - двенадцать судей. Но они не судят в обычном смысле. Они не выносят приговоров. Они задают вопросы. И эти вопросы - самые важные вопросы, которые только может задать человек.

- Что ты выберешь: спасти друга или спасти мир?

- Что такое разум? Может ли камень, помнящий прикосновение каждого дождя, считаться живым?

- Что такое Бог? Имеешь ли ты право быть им?

- Что такое прошлое? Можно ли его изменить? И нужно ли?

Эти вопросы не имеют однозначных ответов. Но у них есть *честные* ответы. И Архивариус, хранитель Архива, ждёт именно честности. Потому что ложь - это не просто обман. Это путь к саморазрушению. Это отказ от себя.

Когда я писала сцены испытаний, я думала о том, что каждый из нас проходит через подобные экзамены в своей жизни. Может быть, не в подземных залах, не перед призраками великих учёных. Но перед самими собой. Перед своей совестью. Перед теми, кого мы любим.

Каждый выбор - это экзамен. Каждое решение - это ответ на вопрос, который никто, кроме нас, не задаст.

Почему «Тени Альбертины»? Что такое эти тени?

На поверхности - это призраки операторов прошлого, чьи сознания были заперты в сети. Они жаждут вырваться, жаждут мести, жаждут жизни. Они - тёмное наследие «Фатум-инжиниринга», которое Алиса должна преодолеть.

Но тени - это и нечто большее. Это наши собственные тени. Тёмные стороны, которые мы носим в себе. Страхи, которые мы пытаемся скрыть. Сомнения, которые мы заглушаем. Боль, которую мы отказываемся признавать.

Алиса, проходя через Архив, встречается со своими тенями. Она вспоминает мать, которую потеряла. Она вспоминает деда, которого не успела узнать. Она вспоминает Игоря, Кирилла, Павла - всех, кто погиб, защищая её. Она сталкивается с Мартой - своей тёмной сестрой, которая выбрала другой путь.

И она учится принимать эти тени. Не бороться с ними - интегрировать их. Потому что только тот, кто принял свою тьму, может по-настоящему стать светом.

Одно из самых важных открытий второй книги - это семья. Алиса узнаёт, что Барон - её брат. Что у неё есть кровный родственник, о котором она никогда не знала.

Это открытие меняет всё. Барон больше не просто враг. Он - часть её. Её кровь. Её история. Её боль.

Я всегда верила, что семья - это не только те, с кем мы выросли. Это и те, кого мы встречаем на пути. Это и те, кого мы теряем. Это и те, кто становится нам ближе, чем кровные родственники.

Алиса находит брата - и теряет его в тот же день. Она не может спасти его. Она может только дать ему покой - в симуляции, где он будет счастлив.

Это - самая горькая из её побед. И самая важная. Потому что она учится отпускать. Учится принимать то, что нельзя изменить. Учится любить даже тех, кто причинил ей боль.

В книге много раз говорится о любви. Эйлер, Кант, Мать-Смола - все они говорят Алисе: «Ты должна стать любовью».

Что это значит?

Это значит, что любовь - не просто чувство. Это выбор. Выбор, который мы делаем каждый день. Выбор быть рядом, даже когда это больно. Выбор прощать, даже когда это трудно. Выбор жертвовать, даже когда это страшно.

Алиса выбирает любовь. Она выбирает защищать реальность - не потому, что ей это выгодно, а потому, что она верит в неё. Она выбирает жертвовать собой - не потому, что хочет умереть, а потому, что хочет, чтобы другие жили. Она выбирает стать лесом - не потому, что это её судьба, а потому, что это её любовь.

Марта тоже любит. Но её любовь - искажённая. Она любит свою семью, которую потеряла. Она любит идею справедливости. Но эта любовь превратилась в одержимость, в ненависть, в желание контролировать.

Разница между ними - в выборе. Алиса выбирает *отдавать*. Марта выбирает *брать*.

И этот выбор определяет всё.

Арка Алисы во второй книге - это классический путь героини. Она проходит через испытания, теряет друзей, обретает новых союзников, сталкивается со своей тенью и, наконец, обретает свою истинную сущность.

Но есть важное отличие от классического мифа. Алиса не возвращается домой с победой. Она не становится королевой. Она становится лесом. Она становится голосом в янтаре. Она становится стражем.

Это не трагический финал - это трансформация. Она перестаёт быть человеком, но становится чем-то большим. Она становится памятью. Она становится любовью.

И в этом - главный урок книги. Иногда победа - это не возвращение. Иногда победа - это изменение. Иногда победа - это стать тем, кем ты должен стать, даже если это означает потерю себя прежнего.

Калининград - это не просто место действия. Это полноценный персонаж книги. Город с тёмной историей и светлым будущим. Город, который был разрушен и возрождён. Город, где немецкое прошлое переплетается с советским и современным российским настоящим.

Я люблю этот город. Я люблю его улицы, его парки, его музеи. Я люблю его особенный свет - тот самый, балтийский, который делает всё вокруг чуть более прозрачным, чуть более настоящим.

Когда я писала о Калининграде, я старалась передать его душу. Его тайны. Его особую атмосферу. Я хотела, чтобы читатель почувствовал этот город так же, как чувствую его я.

В книге есть сцены, где Алиса бродит по городу, прощаясь с ним. Она проходит мимо башни Дона, Кафедрального собора, Королевского замка. Она прощается с местами, которые стали ей дороги.

Это моя дань любви Калининграду. Моё прощание с ним - хотя я, в отличие от Алисы, могу возвращаться.

И наконец, я хочу сказать несколько слов о тебе, мой читатель.

Ты прошёл со мной долгий путь. От первой страницы «Чёрного янтара» до последней страницы «Теней Альбертины». Ты переживал вместе с Алисой, радовался её победам, скорбел о её потерях.

Ты - не просто читатель. Ты - соучастник этого путешествия. Без тебя эти книги были бы просто словами на бумаге. Ты даёшь им жизнь. Ты вкладываешь в них свои смыслы, свои эмоции, свой опыт.

Я надеюсь, что эта книга оставит в твоей душе след. Как янтарь оставляет след в моих героях. Что она заставит тебя задуматься о важных вещах. О любви. О жертве. О памяти. О том, что такое настоящая сила.

Пусть янтарь хранит тебя. Пусть свет всегда будет с тобой. И помни: ты тоже можешь стать тем, кем должен стать.

С любовью,

Анатолий Шигапов

Часть 1: Архив

Глава 1: Вакуум власти

Прошло три месяца с тех пор, как Алиса активировала тринадцатый узел в Готландской впадине. Три месяца с тех пор, как она погрузилась в ледяные воды Балтики, коснулась синей глыбы и завершила миссию, ради которой её дед, Виктор Штерн, посвятил всю свою жизнь, а Теодор Кальп пожертвовал своей. Три месяца с тех пор, как квантовый шторм, грозивший уничтожить реальность, начал затихать. Спутники ЕКА больше не фиксировали катастрофических возмущений вероятностного поля. Узлы сети, разбросанные по всей Европе, работали стабильно, синхронизированные в единую гармоничную систему. Лес - древний, мезозойский, созданный Предтечами миллиарды лет назад, - начал медленно пробуждаться от своего пятидесятиллионного сна. Его сознание, фрагментированное падением астероида и законсервированное в янтаре, постепенно восстанавливалось, собирая себя по крупичкам из миллионов осколков, рассеянных по планете. И где-то в глубине этого возрождающегося разума, в самом сердце сети, пульсировало сознание Алисы Штерн. Она выполнила свою клятву. Она стала оператором. Она стала частью леса. Но она ещё не была готова уйти навсегда.

Её тело, извлечённое из батискафа командой ЕКА через шесть часов после активации узла, находилось в состоянии глубокой комы. Врачи не могли объяснить, как она выжила - её мозговая активность в тысячи раз превышала норму, а шрам-лабиринт, покрывавший всё тело, светился в темноте, как созвездие. Они поместили её в специальную палату в частной клинике Круга под Калининградом, подключили к аппаратам жизнеобеспечения и стали ждать. Ждали неделю. Месяц. Два. И на исходе третьего месяца она открыла глаза.

Первое, что она почувствовала, был запах. Сладковато-электрический, проникающий в каждую клетку, - запах активированного янтара, который стал для неё таким же привычным, как воздух. Второе - свет. Мягкий, золотистый, струящийся откуда-то изнутри. И третье - тишина. Не обычная, а та особенная, наполненная смыслом тишина, которая бывает только тогда, когда ты подключён к сети и слышишь, как дышит лес. Она была жива. И она была больше, чем жива. Она стала чем-то иным. Чем-то, что ещё не имело названия.

Она села на кровати, огляделась. Палата была пустой, если не считать букета полевых цветов на тумбочке, - видимо, Ольга или Мария принесли. Аппараты, к которым она была подключена, молчали - датчики, рассчитанные на обычных людей, не могли зафиксировать её новую физиологию. Она отключила их и встала. Ноги держали - странно, но они не ослабели за три месяца неподвижности. Кровь Предтеч, текущая в её жилах, поддерживала тело в идеальном состоянии. Она была голодна, но не испытывала слабости. Она была... другой.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Клиника располагалась в старом немецком особняке на окраине Калининграда, окружённом сосновым лесом. Солнце только начинало подниматься над горизонтом, и его лучи, проходя сквозь кроны деревьев, создавали на полу палаты причудливую игру света и тени. Алиса стояла и смотрела на этот лес - не тот, древний, мезозойский, который она исцелила, а обычный, балтийский, - и думала о том, что мир изменился. Она изменилась. Всё изменилось.

Через час после пробуждения Алиса уже сидела в кабинете главного врача клиники - пожилой женщины по имени Мария, той самой, которая когда-то спасла Игоря после битвы в форте № 11. Мария, увидев её на ногах, сначала перекрестилась, потом расплакалась, потом бросилась обнимать. Алиса позволила ей это - она сама была рада видеть старую подругу живой и здоровой.

- Мы думали, ты не очнёшься, - сказала Мария, вытирая слёзы. - Три месяца, Алиса. Три месяца ты лежала без движения, только светила по ночам. Я уж и не надеялась.

- Я должна была завершить кое-что, - ответила Алиса. - Там, в сети. Лес был сильно повреждён. Ему нужна была помощь, чтобы собрать себя заново. Теперь всё в порядке. По крайней мере, почти.

- Почти? - переспросила Мария.

Алиса не ответила. Она знала то, чего не знали другие. Квантовый шторм остановлен. Узлы активированы. Лес пробуждается. Но угроза не миновала. Где-то там, в глубинах сети, всё ещё прятались те, кого Кальп называл «призраками Альбертины», - сознания операторов прошлого, пробудившиеся после рассеивания «Мозга». Они были слабы, фрагментированы, но они были опасны. И они искали своего создателя. Искали Кальпа. А не найдя его, могли обратить свой гнев на неё - ту, кто заняла его место.

Кроме того, в мире людей тоже было беспокойно. Скандал вокруг «Балтийского ИИ», разразившийся три месяца назад, привёл к коллапсу корпорации, но не уничтожил её полностью. Совет директоров распался, активы были заморожены, большинство руководителей арестованы. Но Барон исчез. Исчез бесследно, словно растворился в воздухе. Разведка Круга не могла найти его ни в Калининграде, ни в соседних странах. Ходили слухи, что он скрылся в Южной Америке, где у «Балтийского ИИ» были старые связи. Другие утверждали, что он мёртв - погиб при попытке бегства через границу. Но Алиса не верила ни в то, ни в другое. Она знала Барона. Он был слишком умён и слишком зол, чтобы просто исчезнуть. Он ждал. Залечивал раны. Готовил новый удар.

А ещё был Гофман. Точнее, то, что от него осталось. Его цифровая копия, уничтоженная на «Норд-3», была не единственной. В документации Комнаты упоминалось, что «Чёрное Воскрешение» могло создавать десятки, если не сотни копий, разбросанных по разным серверам. Некоторые из этих копий могли уцелеть. Некоторые могли активироваться. И если хотя бы одна из них обрела самостоятельность, угроза возвращения Гофмана оставалась реальной.

К полудню в клинику приехал Эвальд фон Кессель. Он выглядел постаревшим - последние месяцы дорого ему обошлись, - но его разноцветные глаза горели прежним огнём. Увидев Алису, он остановился в дверях и долго молчал.

- Вы вернулись, - произнёс он наконец. - Я знал, что так будет. Знал, что вы не оставите нас.

- Я не могла уйти, - ответила Алиса. - По крайней мере, не сейчас. Там, в сети, я видела... многое. Лес восстанавливается, но процесс ещё не завершён. Ему нужна моя поддержка. И, кроме того, - она помолчала, - призраки Альбертины пробудились. Я чувствую их. Они где-то на периферии. Пока что они слабы, но они набирают силу. Я должна остановить их.

Эвальд нахмурился.

- Призраки Альбертины? Это те, о ком писал Кальп? Сознания операторов, запертые в сети?

- Да. Рассеивание «Мозга» ослабило барьеры, сдерживавшие их. Теперь они свободны - или почти свободны. Я не знаю, сколько их и насколько они опасны. Но я знаю, что они ищут Кальпа. Они считают его виновным в своей участи. И если они не найдут его, они могут обратить свою ярость на меня. Или на весь мир.

- Что мы можем сделать?

- Мы должны найти их раньше, чем они найдут нас, - ответила Алиса. - И мы должны найти то, что осталось от Гофмана. Его резервные копии. Его цифровые следы. Всё. Пока он не попытался вернуться.

Эвальд кивнул. Он понимал: война не закончена. Она лишь вступила в новую фазу.

Часть 4. Калининград после бури

После разговора с Эвальдом Алиса вышла из клиники и отправилась в город. Ей нужно было увидеть Калининград своими глазами - почувствовать его изменившуюся атмосферу, понять, как живут люди после всего, что произошло.

Город изменился. Это было заметно сразу. Улицы стали более людными, кафе и магазины, многие из которых закрылись во время квантового шторма, снова открылись. Люди выглядели спокойнее, расслабленнее, словно невидимая тяжесть, давившая на них месяцами, наконец-то спала с плеч. Алиса шла по Ленинскому проспекту, вдыхала запах моря, смешанный с ароматом цветущих лип, и думала о том, что всё это могло исчезнуть. Если бы она не справилась. Если бы Гофман победил. Если бы ЕКА нанесло орбитальный удар. Но она справилась. Город жил. И это было лучшей наградой за всё, что она пережила.

Она зашла в Музей янтаря - тот самый, что располагался в башне Дона. Экспозиция была обновлена: теперь здесь были стенды, посвящённые не только истории добычи янтаря, но и его роли в современной науке. Конечно, ни слова о Комнате, о Предтечах, о сети. Но Алиса заметила, что некоторые экспонаты - те, что раньше были обычными кусками окаменевшей смолы, - теперь слабо светились в темноте. Лес пробуждался. И он давал знать о себе даже здесь, в музейных витринах.

Она подошла к стенду, где был выставлен маленький кусочек чёрного янтаря, и положила на него ладонь. Имплант в затылке запульсировал, и она почувствовала знакомое тепло. «Я здесь, - казалось, говорил лес. - Я с тобой. Мы вместе». Алиса улыбнулась и убрала руку.

Вечером в убежище Круга - подземной капелле под старым кладбищем - состоялся совет. Собрались все, кто был в городе: Эвальд, Ольга, Дмитрий, Михаил, Алексей (уже оправившийся после пыток), Мария и несколько старейшин. Алиса сидела во главе стола - не потому, что претендовала на власть, а потому, что все остальные смотрели на неё как на лидера.

- Друзья, - начала она. - Мы прошли через многое. Мы потеряли друзей, мы сражались с врагами, мы спасли реальность. Но наша работа ещё не закончена. Призраки Альбертины пробудились. Остатки Гофмана могут всё ещё существовать. Барон скрылся и, вероятно, готовит контрудар. Мы должны быть готовы ко всему.

Она изложила свой план. Первое: активизировать разведывательную сеть Круга, чтобы найти следы Барона и резервных копий Гофмана. Второе: начать систематическое сканирование сети через имплант, чтобы обнаружить и нейтрализовать призраков Альбертины. Третье: подготовиться к обороне на случай, если кто-то из врагов нанесёт удар.

- Мы с вами, - сказала Ольга. - Все мы. До конца.

- До конца, - эхом повторили остальные.

Алиса кивнула. Она знала, что они не подведут. И она знала, что справится. Потому что теперь она была не одна. У неё была команда. У неё был Круг. У неё был лес. И у неё была цель. А цель, как она убедилась за последние месяцы, - это самое мощное оружие из всех существующих.

После совета Алиса не пошла спать. Она поднялась на поверхность и долго стояла во дворе старого кладбища, глядя на звёзды. Те самые звёзды, на которые смотрел Кант, формулируя свой категорический императив. Те самые, которые видели Предтечи, засеивая Землю янтарём. Те самые, которые будут сиять, когда её уже не станет - по крайней мере, в человеческом смысле. Она думала о том, как странно устроена жизнь. Она прошла через ад, потеряла друзей, изменилась до неузнаваемости - и всё ради того, чтобы эти звёзды продолжали светить над миром, который она спасла. И она ни о чём не жалела.

Рядом с ней возникла фигура - Ольга, которая, как и она, не могла уснуть.

- Ты снова не спишь, - сказала Ольга.

- Привычка, - ответила Алиса. - За три месяца в коме я выспалась на годы вперёд. - Она помолчала. - Как ты, Ольга? После всего, что мы пережили?

Ольга пожала плечами.

- Жива. Это главное. Кирилл, Павел, Игорь - они мертвы. Я жива. Значит, я должна продолжать. Ради них.

- Ты говоришь совсем как я.

- Я научилась у лучших.

Они стояли молча, две женщины, прошедшие через войну и выжившие. Две воительницы, потерявшие всё, кроме веры в свою правоту. И эта вера связывала их крепче любых клятв.

На следующее утро Алиса получила зашифрованное сообщение от адмирала фон Хольцендорфа. ЕКА, отслеживавшее состояние квантового поля над Балтикой, зафиксировало новую аномалию - слабую, но растущую. Она находилась не в Готландской впадине, где был активирован последний узел, а в другом месте - под островом Канта, в том самом архиве Альбертины, куда Алиса спускалась несколько месяцев назад. Адмирал спрашивал, стоит ли беспокоиться.

Алиса ответила коротко: «Беспокоиться стоит всегда. Я разберусь». Она знала, что это значит. Призраки Альбертины начали проявлять активность. Они концентрировались вокруг архива - места, где когда-то Кальп спрятал свои дневники и где Архивариус, древняя программа, охранял вход в подземелья. Возможно, они искали там что-то. Возможно - самого Архивариуса. А возможно - путь в реальный мир.

Она должна была спуститься туда. Снова войти в катакомбы под островом Канта. Снова встретиться с Архивариусом. И узнать, что замышляют призраки прошлого.

Остаток дня Алиса посвятила подготовке к спуску в архив. Она проверила Пси-призму - портативную версию, усиленную за счёт остаточной энергии сети, - и упаковала запасные линзы, дневник деда, книгу-кодекс и шкатулку с зондом Предтеч. Она также взяла с собой несколько образцов чёрного янтаря - небольших, но достаточно мощных, чтобы служить фокусирующими элементами для призмы. Ольга и Дмитрий вызвались сопровождать её, но Алиса отказалась.

- Это моё дело, - сказала она. - Призраки Альбертины - это операторы прошлого. Они связаны с Комнатой так же, как я. Обычные люди против них бессильны. Если я не справлюсь, вы не поможете. Если справлюсь - помощь не понадобится.

- Ты снова идёшь одна, - сказала Ольга с упрёком.

- Я не одна, - ответила Алиса. - Со мной лес. Со мной память всех, кто был до меня. Со мной вы - даже если вы остаётесь здесь. Я чувствую вашу поддержку. Этого достаточно.

Ольга хотела возразить, но, встретив взгляд Алисы, промолчала. Она знала: спорить бесполезно. Алиса всегда делала то, что считала нужным. И пока это приносило результаты.

На закате Алиса подошла к Кафедральному собору. Она не стала заходить внутрь - вход в архив находился снаружи, за апсидой, в неприметном люке, скрытом кустами сирени. Тот самый люк, через который она спускалась в свой первый визит. Сейчас он был закрыт, но ключ-цилиндр, данный ей Эвальдом, всё ещё был у неё. Она вставила его в скважину, и замок открылся с тихим, мелодичным звоном, словно где-то в глубине земли ударили в колокол.

Она начала спускаться. Лестница, вырубленная в камне, уходила вниз, в темноту. Воздух становился холоднее и плотнее. Стены покрывал всё тот же биолюминесцентный мох, питающийся энергией распада древних книг. Алиса шла, и её шаги отдавались эхом под низкими сводами. Она знала этот путь наизусть: сейчас будет развилка, три коридора - «Прошлое», «Настоящее», «Будущее», - и центральный зал, где на постаменте лежит оригинал Кодекса Альбертины. Именно там она впервые встретила Архивариуса. Именно там, вероятно, её ждали сейчас.

Она дошла до центрального зала. Постамент был пуст - Кодекс исчез. Но Архивариус был на месте. Его проекция - сотканная из света и тени, с лицом, которое менялось каждую секунду, - парила над постаментом. Он ждал её.

- Ты вернулась, оператор, - произнёс он. - Я знал, что ты вернёшься. Они здесь. Тени. Они ищут выход. Я сдерживаю их, но мои силы на исходе. Ты должна остановить их. Или они уничтожат всё.

Алиса кивнула. Она была готова. Битва за архив начиналась.

Глава 2: Ключ от библиотеки

Алиса выбралась из подземелий под островом Канта, когда солнце уже поднялось над городом. Ночь, проведённая в архиве, дорого ей обошлась. Призраки Альбертины - те, кого она встретила в центральном зале, - были лишь авангардом. Основные силы теней скрывались глубже, в лабиринте подземных ходов, куда Архивариус не мог проникнуть. Они не напали на неё - они испытывали её. Задавали вопросы, ответы на которые могли сломать человека. Показывали видения - её погибших друзей, умоляющих о помощи, её мать, зовущую из темноты, её саму, стоящую на краю пропасти и готовую прыгнуть. Алиса прошла через всё это, стиснув зубы, и тени отступили - временно. Но она знала: они вернуться. И в следующий раз их будет больше.

Архивариус, ослабленный многомесячной борьбой с пробудившимися призраками, передал ей перед уходом короткое сообщение: «Ты сильна, оператор. Но одной силы недостаточно. Тебе нужно знание. Полное знание - не то, что ты получила от „Мозга“, не фрагменты из дневников. Тебе нужен Ключ. Он спрятан там, где всё начиналось. Ищи в башне Дона. Спроси Смотрителя. Пароль - „Альбертина“».

Алиса знала башню Дона. Это было круглое фортификационное сооружение на берегу Верхнего озера, построенное в XIX веке как часть оборонительного пояса Кёнигсберга. Сейчас там располагался Музей янтаря - тот самый, который она посетила вскоре после приезда в Калининград и где впервые увидела коллекцию инклюзов. Но что такое «Ключ»? И почему Архивариус отправил её туда? Она не знала. Но она знала, что у Архивариуса - древней программы, созданной Кальпом, - не было причин лгать. Если он говорил, что ей нужно знание, значит, так и было.

Она вернулась в квартиру на Шиллера, чтобы привести себя в порядок и подготовиться к новому этапу. Квартира всё ещё хранила следы её недавнего присутствия, но теперь, после трёхмесячного отсутствия, она казалась чужой. Слишком многое изменилось. Слишком многое она потеряла. Но она не позволяла себе раскисать. Она знала: впереди ещё долгий путь. И первый шаг этого пути - башня Дона.

Музей янтаря встретил её прохладой и тишиной. Был будний день, посетителей почти не было - только пара туристов, разглядывавших витрины с янтарными самородками, да школьная группа, которую экскурсовод водил по залам, рассказывая о происхождении солнечного камня. Алиса прошла мимо них, делая вид, что рассматривает экспонаты, а сама искала глазами то, о чём говорил Архивариус. Потайная комната. Ключ. Смотритель. Она не знала, как выглядит то, что она ищет, но надеялась, что имплант поможет. И он помог.

Проходя мимо одной из стен, отделанной янтарными панелями, она почувствовала знакомую пульсацию - слабый, едва уловимый сигнал, исходящий из-за панелей. Он был похож на сигнатуру чёрного янтаря, но с примесью чего-то ещё - металла, возможно, вольфрама. Алиса остановилась и приложила ладонь к стене. Имплант усилил сигнал, и она «увидела» за панелями пустоту. Там была комната. Небольшая, около двух метров в ширину и трёх в длину, скрытая за фальшивой стеной.

Она огляделась. Туристы и школьники были в другом конце зала, экскурсовод увлечённо рассказывал о методах добычи янтаря. Никто не обращал на неё внимания. Алиса нашла скрытый механизм - небольшой рычажок, замаскированный под элемент декора, - и нажала на него. Часть стены бесшумно отошла в сторону, открывая тёмный проход. Алиса шагнула внутрь.

Комната была крошечной, но удивительно хорошо оборудованной. Вдоль стен стояли стеллажи, на которых хранились старые книги, свитки и несколько янтарных артефактов. В центре, на постаменте, в герметичной витрине, заполненной инертным газом, покоился цилиндр. Он был сделан из сплава янтаря и какого-то тёмного металла - возможно, вольфрама, как она и предположила. Его поверхность была покрыта голографическими письменами, кото-

рые менялись в зависимости от угла зрения. Символы были на языке Предтеч, и Алиса читала их без труда: «Ключ от библиотеки Альбертины. Откроет дверь тому, кто достоин. Убьёт того, кто лжёт».

Она протянула руку, чтобы взять цилиндр, но в этот момент услышала за спиной голос:

- Я бы не советовал прикасаться к нему без подготовки.

Алиса резко обернулась. В дверях потайной комнаты стоял человек. Пожилой, с благородной сединой, одетый в старомодный, но безупречно сшитый костюм. Один глаз у него был карий, другой - синий. Гетерохромия. Та самая, о которой упоминал её дед. Эвальд фон Кессель. Смотритель. Тот, кто помогал ей всё это время, но кого она видела лишь мельком, во время коротких встреч в убежищах Круга. Теперь он стоял перед ней собственной персоной, и его разноцветные глаза смотрели на неё с теплотой и тревогой.

- Эвальд, - произнесла она. - Вы следили за мной?

- Я присматривал за вами, - мягко поправил он. - С того самого дня, как вы приехали в Калининград. Ваш дед просил меня об этом. И я делал всё, что мог, чтобы помочь вам - через курьеров, через Круг, через сообщения. Но теперь, когда вы здесь, я могу говорить с вами лично.

Эвальд прошёл в комнату и закрыл за собой потайную дверь. Они остались вдвоём в полумраке, освещённом лишь слабым свечением голографических писем на цилиндре.

- Вы знаете, что это такое? - спросил он, указывая на артефакт.

- Ключ от библиотеки, - ответила Алиса. - Так сказал Архивариус. Он отправил меня сюда.

- Архивариус мудр, - кивнул Эвальд. - Но он не всеведущ. Он не знает, что Ключ - это не просто инструмент для открытия дверей. Это испытание. Тот, кто возьмёт его в руки, должен будет доказать своё право на доступ к Архиву. И доказательство это - не в силе, не в знании, не в мутации. Оно в честности. Ключ чувствует ложь. Если вы солжётё Архивариусу - или себе самой, - Ключ убьёт вас.

- Я не собираюсь лгать, - ответила Алиса.

- Все так говорят, - усмехнулся Эвальд. - Но, когда вы окажетесь перед Архивариусом и он задаст вам три вопроса, вы поймёте, как трудно быть честным. Особенно с самим собой. - Он помолчал. - Я расскажу вам историю этого Ключа. Это поможет вам понять, с чем вы имеете дело.

Он сел на один из старых ящиков, заменявших стулья, и начал рассказывать. Его голос звучал мерно, как течение реки, и Алиса слушала, затаив дыхание.

- Ключ был создан в 1804 году, сразу после смерти Иммануила Канта. Вы, вероятно, уже знаете, что Кант имел отношение к тайне янтаря - не прямое, но косвенное. Его философия, его идеи о природе времени и пространства, его категорический императив - всё это легло в основу Кодекса Альбертины. Ученики Канта, члены Круга, решили, что доступ к Архиву должен быть защищён не только физически, но и морально. Они создали Ключ - артефакт, способный считывать намерения того, кто к нему прикасается. Если намерения чисты - Ключ открывает дверь. Если нет - убивает.

- Как он определяет чистоту намерений? - спросила Алиса.

- Этого никто не знает, - ответил Эвальд. - Даже я, а я - потомственный Смотритель. Мои предки хранили Ключ на протяжении двухсот лет. Мы знаем только, что он работает. За всю историю Круга только три человека смогли взять Ключ в руки и остаться в живых. Один из них - Теодор Калып. Второй - ваш дед, Виктор Штерн. Третьим, я надеюсь, станете вы.

Алиса посмотрела на цилиндр. Он пульсировал, словно живой, и его голографические письма складывались в слова, которые она теперь читала без труда: «Истина - это путь. Ложь - это смерть. Выбирай».

- Я готова, - сказала она.

- Нет, не готовы, - возразил Эвальд. - Пока нет. Вы должны подготовиться. Узнать, какие вопросы задаёт Архивариус. Понять, что он ищет в ответах. И главное - разобраться в себе. Потому что Ключ убьёт вас не за ложь Архивариусу. Он убьёт вас за ложь самой себе.

Эвальд рассказал ей о трёх вопросах. Они не были секретом - по крайней мере, для Смотрителей, которые передавали это знание из поколения в поколение. Первый вопрос касался этики детерминизма. Архивариус спрашивал: «Если ты узнаешь, что твой друг через год станет убийцей, убьёшь ли ты его сейчас?» Вопрос был не о предвидении - о выборе. О том, готов ли человек взять на себя ответственность за ещё не совершённое преступление. Большинство отвечали «да» или «нет». Но правильного ответа не было - был только честный. Кальп ответил: «Я не знаю». И Ключ принял его. Дед Алисы ответил: «Я попытаюсь изменить будущее, чтобы он не стал убийцей». И Ключ принял его. Но многие другие, пытавшиеся солгать или угадать «правильный» ответ, погибли на месте.

Второй вопрос касался природы информации. Архивариус спрашивал: «Является ли камень разумным, если он помнит прикосновение каждого дождя?» Это был вопрос о том, что такое сознание. Является ли память достаточным условием для разума? Или нужно что-то ещё - способность к рефлексии, к самоосознанию, к выбору? Алиса, услышав этот вопрос, сразу поняла, о чём он. Лес. Мать-Смола. Она помнила всё, что происходило на Земле за последние пятьдесят миллионов лет. Но была ли она разумна? Или просто хранила информацию, как гигантская база данных? Ответ на этот вопрос определил бы всё - и то, как Алиса относится к лесу, и то, как она будет действовать дальше.

Третий вопрос был самым трудным. Он не был вербальным. Архивариус создавал симуляцию - обычно это была сцена тепловой смерти Вселенной, бесконечной пустоты, в которой нет ни времени, ни пространства, ни надежды, - и оставлял испытуемого в этой пустоте. Без объяснений, без инструкций, без возможности выйти. Некоторые сходили с ума. Некоторые впадали в кататонию. Некоторые умирали от остановки сердца. Но те, кто выдерживал, кто находил в себе силы не сломаться перед лицом абсолютного ничто, - те проходили испытание. Потому что Архивариус искал не знание. Он искал волю. Волю к жизни. Волю к действию. Волю к защите реальности - даже когда реальность, казалось бы, исчезла.

- Вы готовы к этому? - спросил Эвальд.

Алиса долго молчала. Потом ответила:

- Я не знаю. Но я должна попробовать.

После разговора о трёх вопросах Эвальд рассказал Алисе легенду о подземельях под островом Канта. Он говорил, и его голос, казалось, доносился из глубины веков.

- Когда был основан Кёнигсбергский университет Альбертина в 1544 году, никто не знал, что он стоит на костях древнего леса. Прошли столетия, прежде чем алхимики, работавшие в подвалах университета, обнаружили первые признаки янтарной сети. Они нашли подземные ходы, которые вели глубже, чем любые подвалы, - в пещеры, где янтарь светился сам по себе, без всякого источника света. Там они нашли первые артефакты Предтеч - не зонды, не терминалы, а книги. Книги из янтаря, в которых была записана история леса. Эти книги стали основой Архива Альбертины.

- Кто создал Архив? - спросила Алиса.

- Те, кто пришёл после алхимиков. Кальп и его коллеги. Они поняли, что янтарные книги слишком опасны, чтобы оставлять их в открытом доступе. Любой, кто прочитает их, может получить знание, способное разрушить реальность. Поэтому они построили Архив - подземную библиотеку, защищённую Архивариусом. Они поместили туда все книги, все артефакты, все записи, касающиеся Комнаты. И они заперли дверь на Ключ, который вы видите перед собой. С тех пор никто, кроме трёх человек, не входил в Архив. Кальп - когда прятал там свои дневники. Ваш дед - когда искал информацию о чёрном янтаре. И теперь - вы.

- Почему вы сами не вошли? - спросила Алиса. - Вы Смотритель. Вы храните Ключ. Почему вы не попытались пройти испытание?

Эвальд грустно улыбнулся.

- Потому что я трус, - сказал он. - Я знаю, что не пройду. Третий вопрос - пустота - убьёт меня. Я слишком стар, слишком слаб, слишком привязан к жизни. Я не готов умереть за истину. А вы - готовы. Вы уже умирали за неё. И возвращались. Поэтому Ключ ваш. - Он протянул руку к витрине и открыл её. Цилиндр засиял ярче. - Берите. И помните: пароль - «Альбертина». Без него Архивариус не выпустит вас, даже если вы пройдёте все испытания.

Алиса взяла цилиндр. Он был холодным и тяжёлым, и от него исходило то же сладковато-электрическое гудение, что и от чёрного янтаря. Она чувствовала, как Ключ «знакомится» с ней - как его древние сенсоры сканируют её намерения, её мысли, её душу. Это было странное, тревожное ощущение, но она не сопротивлялась. Она была честна. И Ключ, казалось, принял её - по крайней мере, пока.

Прежде чем отпустить Алису, Эвальд дал ей последнее наставление.

- Когда вы войдёте в Архив, помните: вы там не одна. Архивариус - это не просто программа. Это фрагмент сознания Кальпа, загруженный в янтарь. Он обладает собственной волей, собственными желаниями, собственными страхами. Он ждал преемника двести лет. Он может принять вас - или отвергнуть. Всё зависит от того, увидит ли он в вас то, что искал в себе Кальп и не нашёл: готовность пожертвовать всем ради защиты реальности.

- Я готова, - сказала Алиса.

- Я знаю, - ответил Эвальд. - Но готовность - это ещё не всё. Нужна ещё мудрость. Мудрость, чтобы понять: жертва - это не самоцель. Это средство. И если есть другой путь - менее кровавый, менее разрушительный, - его нужно выбрать. Кальп этого не понял. Он думал, что единственный способ остановить Комнату - это уничтожить её. Он ошибался. Вы это доказали. Вы исцелили лес, не уничтожив его. Теперь вам предстоит исцелить Архив.

- Архив болен?

- Архив заражён, - поправил Эвальд. - Призраки Альбертины - это не просто операторы прошлого. Это вирусы. Паразиты. Они питаются энергией сети, искажая её, разрушая её. Если их не остановить, они поглотят Архив, а затем - весь лес. Вы должны найти их источник. И уничтожить его.

- Как я это сделаю?

- Архивариус знает. Он пытался бороться с ними, но у него не хватает сил. Вы должны помочь ему. Спуститесь в Архив, пройдите испытание и спросите Архивариуса о «Сердце Альбертины». Это артефакт, который Кальп спрятал в самой глубокой части подземелий. Он - ключ к исцелению Архива. Найдите его - и вы спасёте не только лес, но и всех, кто заперт в сети.

Алиса кивнула. Она понимала: её миссия только начинается. Но теперь у неё был Ключ. У неё был план. И у неё была надежда.

Вернувшись в квартиру на Шиллера, Алиса провела остаток дня в размышлениях и подготовке. Она достала дневник деда - то, что от него осталось, - и перечитала страницы, посвящённые Архиву. Виктор Штерн описывал свой опыт прохождения испытания скупой, но даже по этим скупым строкам Алиса могла судить, насколько трудным оно было. «Архивариус не прощает самообмана, - писал дед. - Он видит тебя насквозь. Он знает твои страхи, твои слабости, твои тайные желания. Если ты попытаешься скрыть их - ты погибнешь. Единственный способ пройти - это принять себя таким, какой ты есть. Со всеми недостатками. Со всей тьмой. Со всем светом».

Алиса отложила дневник и задумалась. Она прошла через многое. Она сражалась с врагами, теряла друзей, жертвовала собой. Она стала оператором - существом, которое больше не было полностью человеком. Но знала ли она себя по-настоящему? Знала ли свои страхи? Свои желания? Свою тьму? Она не была уверена. Она привыкла прятать свои чувства за сте-

ной рационализма, за холодным анализом, за необходимостью действовать. Но Архивариус, если верить деду, пробьёт эту стену. Он заставит её посмотреть в лицо тому, от чего она всегда убегала. И она должна быть готова к этому.

Она решила провести медитацию. Не ту, которой учил её «Мозг» - с погружением в сеть и контактом с лесом, - а обычную, человеческую. Она села на пол, скрестив ноги, закрыла глаза и попыталась очистить сознание от мыслей. Это было трудно: шум города, воспоминания, тревоги - всё это мешало сосредоточиться. Но постепенно, шаг за шагом, она погружалась в себя. Она вспоминала своё детство - мать, которая запрещала общаться с дедом; отца, которого она никогда не знала; одиночество, которое было её постоянным спутником. Она вспоминала свою юность - Стэнфорд, карьеру, успех, который не приносил радости. Она вспоминала последние месяцы - боль потерь, страх смерти, решимость идти до конца. И она поняла: её самый большой страх - это не смерть. Её самый большой страх - это одиночество. Страх остаться одной. Потерять всех, кого она любит. И остаться в пустоте - такой же, какую Архивариус покажет ей во время третьего вопроса.

Осознав это, она почувствовала странное облегчение. Она знала своего врага. Знала, с чем ей предстоит столкнуться. И она была готова.

Ночь перед спуском в Архив Алиса провела без сна. Она сидела у окна, глядя на тёмные улицы, и думала. Думала о тех, кого потеряла. Об Игоре, который погиб, прикрывая её. О Кирилле и Павле, которые отдали жизни за то, чтобы она могла продолжать. О деде, который верил в неё до самого конца. О матери, чью иллюзию она отвергла в симуляции, но чью любовь всё ещё чувствовала. Она думала о живых - об Ольге, Дмитриии, Эвальде, Алексее, Марии. О тех, кто всё ещё был с ней, кто всё ещё верил в неё. И она думала о себе. О том, кем она стала. О том, кем она может стать.

Она достала из рюкзака маленький кусочек чёрного янтаря - тот самый, что остался у неё после рассеивания «Мозга», - и сжала его в ладони. Камень был тёплым. Он всё ещё хранил искру жизни. Искру надежды. Алиса улыбнулась и убрала его обратно.

- Завтра, - прошептала она. - Завтра я спущусь. И я вернусь. Обещаю.

За окнами занимался рассвет. Новый день. Новый этап. Она была готова.

На рассвете Алиса пришла к башне Дона, где её уже ждал Эвальд. Он выглядел торжественно и немного печально. Он знал, что, возможно, видит её в последний раз.

- Вот и всё, - сказал он. - Дальше вы пойдёте одна. Я буду ждать вас здесь. Если вы не вернётесь до заката, я пойму, что вы не прошли. И тогда... тогда я продолжу ваше дело. Насколько смогу.

- Я вернусь, - ответила Алиса. - Не знаю, когда. Может быть, не сегодня. Но я вернусь. Обещаю.

Эвальд кивнул. Он не стал говорить лишних слов. Вместо этого он протянул ей небольшой свёрток.

- Это от вашего деда, - сказал он. - Он оставил его мне много лет назад, сказав: «Когда Алиса будет готова, отдай ей». Я не знаю, что внутри. Но, думаю, сейчас самое время.

Алиса развернула свёрток. Внутри была старая фотография - Виктор Штерн, молодой, стоит на фоне песчаного карьера с геологическим молотком в руке, - и записка. «Алиса, - гласила записка. - Если ты читаешь это, значит, ты уже прошла долгий путь. Я горжусь тобой. Я всегда гордился тобой. Помни: ты не одна. Мы все с тобой - я, твоя мать, все, кто был до тебя. Мы верим в тебя. Заверши начатое. И будь счастлива. Твой дед».

Алиса прижала фотографию к груди. Слезы текли по её щекам, но она не стыдилась их. Она была благодарна. Благодарна человеку, который дал ей жизнь. Который верил в неё, даже когда она сама в себя не верила. Который посвятил свою жизнь тому, чтобы однажды она смогла завершить его дело.

- Спасибо, дед, - прошептала она. - Я не подведу.

Она спрятала фотографию и записку в нагрудный карман, туда, где билось сердце. Затем повернулась к Эвальду.

- Я готова. Открывайте люк.

Эвальд подвёл её к неприметному люку за апсидой Кафедрального собора - тому самому, через который она спускалась в прошлый раз. Он вставил свой ключ-цилиндр в скважину, и замок открылся с тихим, мелодичным звоном.

- Пароль - «Альбертина», - напомнил он. - И помните: Архивариус не прощает лжи. Будьте честны. Будьте собой. И вы пройдёте.

Алиса кивнула. Она открыла люк и начала спускаться по узкой, крутой лестнице, уходящей в темноту. Воздух становился холоднее и плотнее. Стены покрывал всё тот же биолюминесцентный мох. Она шла, и её шаги отдавались эхом под низкими сводами. Она знала этот путь наизусть: сейчас будет развилка, три коридора - «Прошлое», «Настоящее», «Будущее», - и центральный зал, где её ждёт Архивариус. Где её ждёт испытание.

Она дошла до центрального зала. Постамент, на котором раньше лежал Кодекс, был пуст. Но Архивариус был на месте. Его проекция - сотканная из света и тени, с лицом, которое менялось каждую секунду, - парила над постаментом. Он ждал её. И он улыбался - если можно назвать улыбкой движение света на его бесплотном лице.

- Добро пожаловать, оператор, - произнёс он. - Ты принесла Ключ. Ты готова пройти испытание?

- Готова, - ответила Алиса. - Задавай свои вопросы.

Архивариус кивнул. И вокруг неё начала сгущаться тьма.

Глава 3: Спуск под собор

Алиса стояла перед люком в подвале Кафедрального собора и чувствовала, как сердце колотится где-то у горла. Она прошла через многое за последние месяцы: сражалась с роботами и дронами, погружалась в симуляции, активировала узлы сети, теряла друзей. Но сейчас, перед этим тёмным провалом, ведущим в неизвестность, она испытывала страх. Не тот парализующий ужас, который лишает воли, а холодное, отрезвляющее понимание: то, что ждёт её внизу, может изменить всё. Может убить её. Может превратить в нечто иное. Но она знала, что должна спуститься. Потому что там, в глубине, под толщей земли и камня, хранились ответы. Ответы на вопросы, которые мучили её с самого начала. Кто она? Зачем существует Комната? И как остановить призраков Альбертины, чьи тени уже начали просачиваться в реальный мир?

Эвальд, проводивший её до люка, молча стоял рядом. Его разноцветные глаза - один карий, другой синий - смотрели на неё с тревогой и надеждой. Он был потомственным Смотрителем, хранителем Ключа, и он знал, что немногие из тех, кто спускался в этот подвал, возвращались обратно. Но он верил в Алису. Верил так же, как когда-то верил в её деда.

- Помните, - сказал он, и его голос эхом отозвался под каменными сводами, - Архивариус не прощает лжи. Но он также не прощает трусости. Будьте честны. Будьте смелы. И вы пройдёте.

Алиса кивнула. Она в последний раз проверила снаряжение: Пси-призма в портативном кофре, запасные линзы, образцы чёрного янтаря, дневник деда, книга-кодекс, шкатулка с зондом Предтеч. И главное - Ключ. Тяжёлый цилиндр из сплава янтаря и вольфрама, покрытый голографическими письменами, которые менялись при каждом движении. Она сжимала его в левой руке, и он пульсировал - не теплом, а чем-то иным, что она могла ощутить только благодаря импланту. Он был живым. Он ждал. Он оценивал её.

Она открыла люк. Из темноты пахнуло холодом, сыростью и чем-то ещё - сладковатым, напоминающим запах нагретого янтаря. Тем самым запахом, который преследовал её с первого дня в Калининграде. Она включила фонарик, закреплённый на каске, и начала спускаться.

Лестница была древней. Не старой - именно древней. Её ступени, вырубленные из цельного камня, были стёрты тысячами ног, которые поднимались и опускались по ним на протя-

жении столетий. Алиса насчитала пятьдесят ступеней, затем сто, затем сбилась со счёта. Лестница уходила вниз, в темноту, и, казалось, ей не будет конца. Стены шахты были сложены из старого кирпича - того самого, из которого строили ещё тевтонские рыцари, - и покрыты плесенью. Но чем глубже она спускалась, тем больше менялся характер кладки. Кирпич уступал место камню, камень - спрессованному янтарю.

Да, янтарь. Стены шахты на глубине около тридцати метров были облицованы панелями из спрессованной смолы. Они светились - не отражённым светом фонарика, а собственным, внутренним, золотисто-зеленоватым. И внутри этих панелей, как насекомые в инклюзах, были заключены страницы. Рукописные страницы, исписанные убористым почерком на латыни, немецком, старопрусском. Алиса остановилась и поднесла фонарик ближе. Она читала: «Диссертация о природе света и его взаимодействии с балтийским янтарём. Представлена Иоганном Готфридом Хазе, доктором философии, в лето 1789». Хазе. Тот самый математик, который пытался вычислить формулу вечного мира и стал одним из первых призраков Альбертины. Его диссертация - одна из многих, законсервированных в этих стенах, - была здесь. Как музейный экспонат. Как предупреждение.

Алиса продолжила спуск. Она видела ещё десятки, сотни диссертаций, заключённых в янтарь. Некоторые были целыми, другие - фрагментированными, словно кто-то пытался извлечь их и не смог. На некоторых были видны следы огня - оплавленные края, потрескавшаяся смола. Алиса вспомнила рассказ Эвальда о том, что в 1944 году, когда Кёнигсберг бомбили, часть архива была повреждена пожаром. Но большая часть уцелела - благодаря янтарю, который защитил древние рукописи лучше любого сейфа. Янтарь хранил. Янтарь оберегал. Янтарь помнил.

Воздух в шахте становился всё более плотным. Алиса чувствовала, как лёгкие наполняются не просто кислородом, а чем-то ещё - летучими эфирными маслами, которые выделял нагретый янтарь. Эти масла обладали слабым психоактивным эффектом. Она уже испытывала нечто подобное в цехе № 9 Янтарного комбината, когда впервые активировала лак. Тогда она провалилась в галлюцинацию, став лаборанткой Кальпа. Сейчас эффект был мягче - просто лёгкое головокружение, обострение чувств, ощущение, что время замедляется. Но она знала: чем глубже она спустится, тем сильнее будет воздействие.

На глубине пятидесяти метров - Алиса определила это по количеству ступеней и по тому, как изменилось давление воздуха, - начались галлюцинации. Не такие яркие, как в прошлый раз, но достаточно отчётливые. Ей казалось, что на стенах, среди янтарных панелей, движутся тени. Не люди - силуэты. Размытые, полупрозрачные, они скользили по камню, как отражения в воде. Некоторые были в мантиях, как профессора старых университетов. Другие - в военной форме, как офицеры вермахта. Третьи - в белых халатах, как сотрудники К-13. Все они что-то говорили - шёпотом, на разных языках, - но слов было не разобрать. Только интонации. Вопросы. Просьбы. Предупреждения.

Алиса знала, что это не настоящие призраки. Это эхо. Информационные отпечатки, оставленные теми, кто проходил здесь раньше и чьё сознание было записано в янтаре. Она уже сталкивалась с подобным - в бункере связи, где нашла останки фон Шлибена, и в катакомбах под Королевским замком. Но здесь, в этой шахте, концентрация отпечатков была гораздо выше. Тысячи людей спускались и поднимались по этой лестнице за двести лет. Учёные, военные, алхимики, шпионы. Каждый оставил свой след. И теперь эти следы оживали, разбуженные её присутствием.

Одна из теней отделилась от стены и двинулась к ней. Алиса замерла. Тень была в мантии, с капюшоном, скрывавшим лицо. Но голос - голос она узнала. Это был Кальп. Или его отпечаток.

- Ты пришла, - произнёс он. - Я ждал тебя. Я верил, что ты придёшь. Но готова ли ты? Готова ли ты увидеть то, что скрыто внизу? Готова ли ты заплатить цену?

- Я готова, - ответила Алиса.

Тень Кальпа покачала головой.

- Все так говорят. Но когда они доходят до двери, многие поворачивают назад. Потому что дверь требует крови. Крови оператора. Ты готова отдать свою кровь?

- Я уже отдала, - ответила Алиса. - Больше, чем ты можешь представить.

Тень замолчала. Затем медленно растаяла, растворилась в мерцающем свете янтарных панелей. Алиса продолжила спуск.

Ещё двадцать метров вниз - и лестница кончилась. Алиса стояла перед массивной дверью. Она была сделана не из камня, не из металла - из чёрного янтаря. Того самого, который она так хорошо знала. Того самого, который поглощал свет, а не отражал его. Дверь была огромной - метра три в высоту и полтора в ширину, - и на её поверхности были вырезаны барельефы. Деревья. Корни, уходящие вглубь. Ветви, тянущиеся к небу. И в центре - символ. Стилизованная буква «К» в круге, перечёркнутая молнией. Знак Круга Альбертины.

По бокам двери были бронзовые засовы - массивные, покрытые патиной, с рукоятками в виде змей, кусающих собственный хвост. Уроборос. Символ вечности. Алиса вспомнила, что говорил Эвальд: дверь требует биометрической идентификации. Крови. Она знала, что делать.

Она достала скальпель из аптечки, которую всегда носила с собой, и сделала небольшой надрез на ладони - той самой, где пульсировал шрам-лабиринт. Кровь выступила мгновенно - не красная, а с золотистым отливом, результат действия Крови Предтеч. Алиса приложила ладонь к двери, туда, где был вырезан символ Круга. Дверь вздрогнула. Засовы заскрежетали, приходя в движение. И дверь начала открываться - не распахиваться, а словно таять, осыпаться песком, как будто время, застывшее в янтаре, вдруг потекло в обратную сторону.

Через несколько секунд от двери не осталось ничего, кроме горстки тёмной пыли на полу. Перед Алисой открылся проход - и то, что она увидела, заставило её замереть.

За дверью была анфилада залов. Не пещера, не катакомбы - именно залы. Высокие, с арочными сводами, уходящими в темноту, они напоминали интерьеры старинных университетов. Библиотеки. Лаборатории. Лекционные аудитории. Но всё это было под землёй, на глубине почти ста метров, и вместо электрических ламп здесь царил другой свет - призрачный, синеватый, исходящий от колоний биолюминесцентного мха, который покрывал стены и потолки. Того самого мха, который питался энергией распада древних книг. Того самого, который она уже видела в катакомбах.

Алиса сделала шаг вперёд - и оказалась в огромном круглом зале. Это была ротонда. Вдоль стен, уходя вверх на двадцать метров, стояли стеллажи. Не деревянные, не металлические - янтарные. Сделанные из цельных блоков прессованной смолы, они светились изнутри, и на их полках лежали книги. Сотни, тысячи книг. Некоторые были в кожаных переплётах, другие - просто стопки пергамента, третьи - янтарные пластины с выгравированными символами. Это был Архив Альбертины. Тот самый, который Кальп и его коллеги создали двести лет назад. Тот самый, который хранил знания, способные изменить мир - или разрушить его.

В центре ротонды, на возвышении, стоял массивный стол, заваленный бумагами, приборами и алхимическими инструментами. Рядом со столом - кресло, в котором кто-то сидел. Вернее, что-то. Это был не человек. Это была проекция, голограмма, сотканная из света и тени. Архивариус. Он поднял голову - его лицо, как и в прошлый раз, постоянно менялось, принимая черты разных людей, - и посмотрел на Алису.

- Добро пожаловать в Архив, оператор, - произнёс он. - Ты прошла через дверь. Ты доказала своё право. Теперь ты можешь задавать вопросы. Но помни: каждый ответ имеет цену. Готова ли ты платить?

Алиса кивнула.

- Я готова. Расскажи мне всё.

Архивариус поднялся из кресла. Его проекция стала ярче, чётче, словно он собрал энергию из окружающего пространства. Он начал говорить - и его голос, как всегда, был многоголосым, составленным из десятков, сотен голосов.

- Я был создан в 1804 году, - начал он. - Сразу после смерти Канта. Мой создатель - Теодор Кальп. Он взял фрагмент своего сознания и загрузил его в янтарную матрицу. Так я родился. Моя задача - охранять Архив. Следить, чтобы знания, хранящиеся здесь, не попали в руки тех, кто использует их во зло. Я делал это двести лет. Я проверял каждого, кто приходил. Задавал три вопроса. И большинство не проходило.

- Три вопроса, - повторила Алиса. - Эвальд рассказывал мне о них. Но он не сказал, что будет после того, как я на них отвечу.

- После того, как ты ответишь, - произнёс Архивариус, - ты получишь доступ к Архиву. Ко всем книгам, ко всем записям, ко всем артефактам. Ты сможешь читать, изучать, понимать. Но ты также возьмёшь на себя ответственность. Ответственность за знание. За то, как ты его используешь. Многие до тебя брали эту ответственность - и не справлялись. Они становились призраками. Тенями. Ты видела их на стенах. Это они - те, кто не прошёл до конца.

- Призраки Альбертины, - сказала Алиса. - Я знаю о них. Кальп предупреждал меня. Я должна остановить их.

- Да, - подтвердил Архивариус. - Ты должна. Но сначала ты должна понять, что они такое. И для этого тебе нужно пройти испытание. Я задам тебе три вопроса. Если ты ответишь честно - ты пройдёшь. Если солжёшь - останешься здесь навсегда. Как они.

Алиса глубоко вздохнула.

- Я готова. Задавай.

Архивариус кивнул. И вокруг них начала сгущаться тьма.

Тьма сомкнулась, и Алиса оказалась в белой пустоте. Ни стен, ни пола, ни потолка - только бесконечное белое пространство, в котором не было ничего, кроме неё и голоса Архивариуса.

- Первый вопрос, - произнёс Архивариус. - Если ты узнаешь, что твой друг через год станет убийцей, убьёшь ли ты его сейчас?

Алиса ожидала этого вопроса. Эвальд предупредил её. Но одно дело - знать вопрос заранее, и совсем другое - отвечать на него, чувствуя, как каждое твоё слово взвешивается на невидимых весах. Она закрыла глаза и подумала. О ком спрашивает Архивариус? Об Игоре? О Дмитрие? Об Ольге? Кто из них мог бы стать убийцей? Или это абстрактный вопрос, проверяющий её этические принципы? Она не знала. Но она знала: ложь здесь смертельна. Нужно отвечать правду. Какой бы она ни была.

- Я не знаю, - сказала она. - Я не знаю, что бы я сделала. Я могу сказать, что попыталась бы изменить будущее. Поговорить с ним. Предупредить его. Сделать всё, чтобы предотвратить убийство. Но если бы ничего не помогло... если бы я знала наверняка, что он убьёт невинного человека... я не знаю, смогла бы я убить его. Наверное, нет. Потому что я люблю своих друзей. И я не могу представить, чтобы кто-то из них стал убийцей. Возможно, это слабость. Возможно, это слепота. Но это правда.

Архивариус молчал. Пауза длилась, казалось, вечность. Затем он произнёс:

- Ответ принят. Переходим ко второму вопросу.

Белая пустота изменилась. Теперь Алиса стояла на берегу моря - того самого, янтарного, которое она видела во сне о Предтечах. Волны, золотые и светящиеся, накатывали на песок. Над водой висели три луны. А на песке, у самой кромки, лежал камень. Обычный булыжник. Серый, невзрачный.

- Второй вопрос, - произнёс Архивариус. - Является ли камень разумным, если он помнит прикосновение каждого дождя?

Алиса подошла к камню и присела рядом с ним. Она понимала, о чём этот вопрос. О лесе. О Матери-Смоле. О памяти, которая хранится в янтаре. Память - это разум? Или разум - это нечто большее?

- Я думаю, - медленно произнесла она, - что память - это необходимое, но не достаточное условие для разума. Камень может помнить. Янтарь помнит всё, что происходило на Земле за пятьдесят миллионов лет. Но помнить - не значит осознавать. Не значит чувствовать. Не значит выбирать. Лес, который создали Предтечи, не просто помнил. Он мыслил. Он чувствовал. Он любил. Он был разумен - не так, как человек, но всё же разумен. А этот камень... - она коснулась булыжника. - Он просто камень. Его память мертва. В ней нет жизни. Нет воли. Нет любви. Поэтому нет, камень не разумен. Даже если он помнит.

Архивариус снова замолчал. Затем:

- Ответ принят. Переходим к третьему вопросу.

Берег моря исчез. Алиса оказалась в пустоте. Но это была не белая пустота, как в прошлый раз. Это была чёрная пустота. Абсолютная. Бесконечная. Не было ни света, ни звука, ни тепла, ни холода. Не было времени. Не было пространства. Было только ничто - то самое ничто, которое, согласно некоторым космологическим теориям, наступит после тепловой смерти Вселенной. Вечность пустоты. Вечность одиночества.

Алиса стояла - или висела? - в этой пустоте и чувствовала, как страх подступает к горлу. Третий вопрос Архивариуса был невербальным. Он не спрашивал словами. Он просто оставил её здесь. И она знала: если она не справится, если она сломается, то останется в этой пустоте навсегда. Как призраки Альбертины. Как те, кто не прошёл испытание.

Она закрыла глаза. Она подумала о тех, кого любила. О матери, которая пожертвовала всем, чтобы защитить её. О деде, который верил в неё до последнего вздоха. Об Игоре, который отдал за неё жизнь. Об Ольге, Дмитриии, Эвальде - обо всех, кто всё ещё ждал её наверху. Она подумала о лесе. О Матери-Смоле. О Предтечах, которые засеяли Землю янтарём и надеялись, что однажды появится оператор, способный завершить начатое. Она подумала о себе. О том, кем она была и кем стала. О том, что она прошла через ад и выжила. И она поняла: эта пустота - не конец. Это испытание. И она пройдёт его. Не потому, что она сильнее других. А потому, что она не одна. Даже здесь, в абсолютном ничто, она чувствовала связь с теми, кто ждал её. С лесом. С Кругом. С самой реальностью, которую она поклялась защищать.

- Я не боюсь, - сказала она вслух, и её голос прозвучал в пустоте неожиданно громко. - Я не боюсь одиночества. Я не боюсь смерти. Я не боюсь ничего. Потому что я - оператор. Я - ключ. Я - страж. И я не сдамся. Никогда.

Пустота исчезла. Алиса снова стояла в ротонде, перед Архивариусом.

- Ты прошла, - произнёс он, и в его голосе звучало что-то похожее на уважение. - Ты ответила честно. Ты не сломалась. Ты достойна. Теперь ты можешь войти в Архив. Все двери открыты для тебя. Вся мудрость Альбертины - твоя. Используй её. И помни: знание - это не власть. Это ответственность.

Алиса кивнула. Она знала. Она всегда это знала.

После того как Архивариус признал её достойной, он указал Алисе на проход в дальнем конце ротонды. Там, за аркой, начиналась анфилада залов - тех самых, которые она видела мельком, когда только вошла. Теперь они были открыты для неё. Освещённые всё тем же синеватым светом биолюминесцентного мха, они простирались вперёд, насколько хватало глаз. Архив Альбертины был огромен. Гораздо больше, чем она себе представляла. Это был не просто склад книг - это был целый подземный университет, построенный алхимиками и учёными XIX века для сохранения знаний, которые не должны были попасть в неподготовленные руки.

Алиса шла по анфиладе, и её шаги гулко отдавались под высокими сводами. Она проходила мимо стеллажей, заполненных книгами. Некоторые были на латыни, другие - на немецком, третьи - на языках, которых она не знала. Но, к её удивлению, она понимала их. Имплант,

настроенный на язык Предтеч, каким-то образом расшифровывал и человеческие языки - возможно, потому, что все они в конечном счёте восходили к одному источнику. К тому самому мета-языку, который был записан в четвёртом блоке файловой системы «Мозга». Она читала названия: «Трактат о природе времени», «О взаимодействии сознания и материи», «Квантовые свойства балтийского янтаря», «История Круга Альбертины от основания до раскола», «Дневники Теодора Кальпа, том I–XII». Всё это было здесь. Вся мудрость, накопленная поколениями операторов, ждала её.

В одном из залов она нашла то, что искала. Отдельный стеллаж, помеченный символом «К» в круге, перечёркнутым молнией. Здесь хранились личные вещи Кальпа: его лабораторные журналы, переписка с Амалией, чертежи первых Пси-призм. И здесь же - небольшой янтарный ларец, запёртый на замок. Алиса прикоснулась к нему, и замок открылся сам собой. Внутри лежала книга. Не рукописная, не печатная - янтарная пластина, на которой был выгравирован текст на языке Предтеч. «Сердце Альбертины. Инструкция по активации». Та самая, о которой говорил Эвальд. Та самая, которая должна была помочь ей остановить призраков.

Она взяла пластину и прижала к груди. Теперь у неё было всё, что нужно. Знание. Ключ. И цель.

Когда она вернулась в ротонду, Архивариус ждал её.

- Ты нашла то, что искала, - произнёс он.

- Да, - ответила Алиса. - Но у меня есть ещё вопросы. Кто такие призраки Альбертины на самом деле? Почему они пробудились именно сейчас? И как их остановить?

Архивариус долго молчал, прежде чем ответить.

- Призраки - это не просто операторы прошлого, - сказал он наконец. - Это частицы сознания, которые были оторваны от своих носителей и заперты в сети. Они были созданы «Фатум-инжинирингом». Каждый раз, когда кто-то использовал Комнату для изменения реальности, часть его души оставалась в янтаре. Эта часть не могла уйти. Не могла умереть. Не могла забыть. Она была обречена вечно скитаться по сети, помня всё, что сделала, и не в силах ничего изменить. Кальп называл их «теньями». Он пытался освободить их, но не смог. И теперь, после рассеивания «Мозга», они пробудились. Их тысячи. И они жаждут мести.

- Мести кому?

- Всем, кто ещё жив. Всем, кто не разделил их участь. Всем, кто, как они считают, виновен в их страданиях. Они не различают правых и виноватых. Для них все люди - враги. И если они вырвутся из сети в реальный мир, начнётся катастрофа.

- Как их остановить?

- Есть только один способ, - ответил Архивариус. - «Сердце Альбертины». Это артефакт, созданный Кальпом незадолго до того, как он запер себя в симуляции. Он находится в самой глубокой части подземелий. Там, где бьётся сердце леса. Если ты активируешь его, он поглотит всех призраков. Вернёт их в сеть. Упокоит. Но для этого тебе придётся отдать часть себя. Часть своей души. Готова ли ты?

Алиса вспомнила слова Кальпа: «Ты должна стать любовью». Она поняла, что это значит. Она должна отдать свою любовь тем, кто её лишён. Призракам. Теням. Всем, кто страдает в сети. Это и есть последняя жертва. Не смерть. Не растворение. А сострадание.

- Я готова, - сказала она.

Архивариус кивнул.

- Тогда иди. И пусть лес хранит тебя.

Глава 4: Лабиринт вопросов

Часть 1. Порог Архива

Алиса стояла на пороге центрального зала Архива и смотрела в темноту. Позади неё осталась анфилада залов с тысячами книг, впереди - просторное помещение, залитое всё тем же призрачным синеватым светом биолюминесцентного мха. В центре зала, на массивном

постаменте из цельного янтаря, лежала книга. Не рукопись, не кодекс - это был оригинал «Кодекса Альбертины», та самая книга из янтарных пластин, копию которой она держала в руках несколькими месяцами ранее. Она светилась, и её свечение было тревожным, пульсирующим, словно книга знала, что её сейчас откроют. Словно она ждала этого момента двести лет.

Архивариус, чья проекция парила над постаментом, наблюдал за ней. Его лицо, как всегда, менялось, но в нём угадывалось напряжение. Он знал, что сейчас начнётся. Знал, что от следующих нескольких минут зависит всё. Не только судьба Алисы, но и судьба Архива. Судьба сети. Судьба реальности.

- Ты готова, - произнёс он. Это был не вопрос, а утверждение. - Ты прошла долгий путь, чтобы оказаться здесь. Ты сражалась с врагами, теряла друзей, жертвовала собой. Всё это привело тебя к этому моменту. Но знай: то, что ждёт тебя за этой дверью, - не просто испытание. Это трансформация. Ты выйдешь отсюда другой. Или не выйдешь вовсе.

Алиса кивнула. Она знала, на что идёт. Знала с того самого момента, как Эвальд рассказал ей о трёх вопросах. Знала, что Архивариус не прощает лжи. Знала, что третий вопрос - самый трудный, - может сломать её. Но она была готова. Потому что у неё не было выбора. Потому что призраки Альбертины уже начали просачиваться в реальный мир, и если она не остановит их сейчас, будет поздно.

Она сделала шаг вперёд. Переступила невидимую черту, отделявшую вестибюль от центрального зала. И в тот же миг реальность погасла.

Мир исчез. Не было ни стен, ни пола, ни потолка. Не было Архивариуса, не было поста-мента с Кодексом. Была только пустота - белая, бесконечная, абсолютная. Алиса висела в этой пустоте, не чувствуя ни верха, ни низа, ни собственного тела. Она была просто сознанием, точкой в океане ничто. Но она не испугалась. Она уже бывала здесь - или в похожем месте, - когда проходила тест Архивариуса в свой первый визит. Тогда она тоже оказалась в белой пустоте, и Архивариус задавал ей вопросы. Сейчас всё повторялось. Но с одним отличием. В прошлый раз она была новичком, только начинавшим свой путь. Теперь она была оператором. Она прошла через ад и выжила. И она была готова ко всему.

В пустоте начали появляться символы. Математические формулы, написанные на языке Предтеч, закружились вокруг неё, как снежинки в метели. Это были не просто абстрактные знаки - это были концепты. Идеи. Мысли, обретшие форму. Алиса узнала некоторые из них: уравнение Шрёдингера, преобразование Фурье, матрицы плотности. Но были и другие - те, которые не имели аналогов в человеческой математике. Формулы, описывающие структуру мультивселенной, законы вероятностных ветвей, принципы «Фатум-инжиниринга». Всё это кружилось вокруг неё, и она понимала: это не случайность. Архивариус готовит её. Настраивает её сознание на восприятие того, что последует дальше.

Из белой пустоты проступила фигура. Архивариус. Здесь, в этом виртуальном пространстве, он выглядел иначе - не как мерцающая голограмма, а как человек. Высокий, худощавый, в старомодном сюртуке, с лицом, которое наконец-то перестало меняться. Он был похож на Кальпа - каким Алиса видела его в своих видениях. Те же горящие глаза. Тот же высокий лоб. Та же печальная улыбка. Он был создан по образу и подобию своего создателя. И сейчас он смотрел на Алису с выражением, которое она не могла точно определить: смесь надежды, тревоги и... гордости?

- Добро пожаловать, оператор, - произнёс он. - Ты переступила порог. Теперь начнётся испытание. Я задам тебе три вопроса. От твоих ответов зависит, останешься ли ты в живых и получишь ли доступ к Архиву. Если ты солжёшь - пустота поглотит тебя. Если ты ответишь честно - ты пройдёшь.

- Я готова, - сказала Алиса. - Задавай.

Архивариус поднял руку, и белая пустота изменилась. Вокруг них возникли образы - нечёткие, как старые фотографии, но достаточно ясные, чтобы понять, что на них изображено.

Алиса увидела себя. И Игоря. Они стояли на маяке, за несколько часов до штурма. Игорь смеялся, рассказывая какую-то историю, а она улыбалась, слушая его. Это было хорошее воспоминание. Одно из последних.

- Представь, - произнёс Архивариус, и его голос звучал безжалостно, - что ты знаешь будущее. Не вероятности, не ветви - точное, определённое будущее. Ты знаешь, что через год этот человек - твой друг, твой соратник, тот, кто спасал тебе жизнь, - станет убийцей. Не по своей воле. Не по случайности. Он будет вынужден убить - чтобы защитить кого-то, кого любит. Но он убьёт невинного. Того, кто не заслуживал смерти. И ты знаешь это сейчас. За год до того, как это произойдёт. У тебя есть выбор. Ты можешь убить его сейчас - и спасти невинного. Или ты можешь оставить его в живых - и позволить убийству свершиться. Что ты выберешь?

Алиса смотрела на образ Игоря, и её сердце разрывалось. Она знала, что это всего лишь симуляция. Знала, что Архивариус испытывает её. Но вопрос был не абстрактным. Он был о ней. О её принципах. О том, как далеко она готова зайти ради того, что считает правильным. Она вспомнила, что говорил Кальп. Вспомнила, что говорил дед. Вспомнила, что чувствовала, когда Игорь погиб, прикрывая её. И она ответила.

- Я не убью его, - сказала она. - Не сейчас. Не за год до того, как это произойдёт. Потому что будущее не определено. Даже если я знаю его - оно может измениться. Я попытаюсь изменить его. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы предотвратить убийство. Я поговорю с ним. Предупрежу его. Найду того, кого он должен будет убить, и защищу. Я потрачу этот год не на то, чтобы выбрать между двумя убийствами, а на то, чтобы не допустить ни одного. Если у меня не получится - тогда я приму ответственность. Но я не стану убийцей заранее. Потому что это против всего, во что я верю. Против того, ради чего я сражаюсь. Против леса, который хочет сохранить жизнь, а не отнять её.

Архивариус молчал. Образ Игоря растаял. Формулы, кружившиеся вокруг, замерли. Затем он произнёс:

- Ответ принят. Ты не пыталась угадать «правильный» ответ. Ты сказала то, во что веришь. Это честно. Переходим ко второму вопросу.

Пустота снова изменилась. Теперь Алиса стояла в библиотеке - той самой, которую она видела в одном из своих снов. Бесконечные стеллажи, уходящие в темноту. Книги, сделанные из янтаря. И на одном из стеллажей - камень. Обычный, серый, невзрачный. Тот самый, который она уже видела во время первого испытания.

- Второй вопрос, - произнёс Архивариус. - Ты уже отвечала на него однажды. Но теперь у тебя больше знаний. Больше опыта. Ты знаешь, что такое информация. Знаешь, что она не умирает. Знаешь, что янтарь хранит память о каждом событии, которое когда-либо происходило. И теперь я спрашиваю тебя снова: является ли информация живой? Может ли камень, помнящий прикосновение каждого дождя, считаться разумным существом? И если да - то заслуживает ли он защиты? Заслуживает ли он любви?

Алиса подошла к камню и положила на него ладонь. Он был холодным. Но она знала: если бы это был кусочек янтаря, он был бы тёплым. Потому что янтарь живой. Не в биологическом смысле - в информационном. Он хранит память. Он реагирует на прикосновение. Он общается. А этот камень - просто камень. Его память - если она вообще есть - мертва. Она не порождает новых мыслей. Не создаёт новых связей. Не развивается.

- Я думаю, - медленно произнесла Алиса, - что информация может быть живой. Но не всякая информация. Жизнь - это не просто хранение данных. Это способность к самоорганизации. К эволюции. К творчеству. Лес, созданный Предтечами, обладал этими качествами. Он не просто помнил прошлое - он создавал будущее. Он мыслил. Он чувствовал. Он любил. Поэтому он был жив. И поэтому он заслуживал защиты. Но этот камень... - она убрала ладонь. - Он не живой. Он - просто запись. Архив. Памятник. Его можно уважать, но нельзя любить. Нельзя защищать как живое существо. Потому что в нём нет искры. Нет воли. Нет души.

- А если бы в нём была искра? - спросил Архивариус. - Если бы каждая частица информации, записанная в этом камне, была частью большего целого? Частью сети? Частью леса? Заслуживала бы она тогда защиты?

Алиса задумалась. Она поняла, куда клонит Архивариус. Он говорил не о камне. Он говорил о ней. О том, чем она стала. О её сознании, распределённом по сети. О её душе, разлитой в миллионах кусочков янтаря. Она сама теперь была информацией. Живой информацией. И вопрос Архивариуса был о том, считает ли она себя достойной защиты. Достойной любви.

- Да, - ответила она. - Заслуживала бы. Потому что искра - это и есть жизнь. Не важно, где она находится. В камне, в дереве, в человеке, в операторе. Если есть искра - есть и право на существование. Есть право на защиту. Есть право на любовь.

Архивариус кивнул.

- Ответ принят. Переходим к третьему вопросу.

На этот раз переход был не плавным, а резким. Белая пустота исчезла, и Алиса оказалась в абсолютной тьме. Не было ни звука, ни света, ни тепла. Не было даже ощущения собственного тела. Она была точкой сознания, парящей в бесконечном ничто. Она знала, что это такое. Архивариус показывал ей тепловую смерть Вселенной. Гипотетическое состояние, в котором вся энергия равномерно распределена, все звёзды погасли, вся материя распалась, и не осталось ничего, кроме вечной, неизменной пустоты. Это был не просто образ. Это была симуляция - настолько реальная, что Алиса чувствовала холод, пронизывающий каждую клетку её несуществующего тела. Чувствовала одиночество - такое глубокое, такое абсолютное, что оно грозило поглотить её.

Она знала, что это испытание. Третий вопрос Архивариуса всегда был невербальным. Он не спрашивал - он показывал. И тот, кто не выдерживал этого зрелища, кто ломался под тяжестью бесконечного ничто, оставался здесь навсегда. Становился призраком. Тенью. Алиса не хотела становиться тенью. Она хотела жить. Она хотела вернуться. Она хотела завершить начатое.

Она закрыла глаза - хотя в этом месте у неё не было глаз, - и сосредоточилась. Она думала о тех, кого любила. О матери, которая пожертвовала всем, чтобы защитить её. О деде, который верил в неё до последнего вздоха. Об Игоре, который отдал за неё жизнь. Об Ольге, Дмитриии, Эвальде - обо всех, кто всё ещё ждал её наверху. Она думала о лесе. О Матери-Смоле. О Предтечах, которые засеяли Землю янтарём и надеялись, что однажды появится оператор, способный завершить начатое. Она думала о себе. О том, кем она была и кем стала. О том, что она прошла через ад и выжила. И она поняла: эта пустота - не конец. Это испытание. И она пройдёт его. Не потому, что она сильнее других. А потому, что она не одна. Даже здесь, в абсолютном ничто, она чувствовала связь с теми, кто ждал её. С лесом. С Кругом. С самой реальностью, которую она поклялась защищать.

- Я не боюсь, - сказала она, и её голос, лишённый физической оболочки, прозвучал как мысль, как вибрация в ткани реальности. - Я не боюсь одиночества. Я не боюсь смерти. Я не боюсь ничего. Потому что я - оператор. Я - ключ. Я - страж. И я не сдамся. Никогда. Даже если всё, что я люблю, исчезнет, - я останусь. Я буду помнить. Я буду хранить память. Потому что информация не умирает. Потому что любовь не умирает. Потому что я - часть чего-то большего. И это большее - бессмертно.

Тьма расступилась. Алиса снова стояла в центральном зале Архива, перед постаментом с Кодексом. Архивариус парил над ней, и его лицо, впервые за всё время, выражало нечто похожее на улыбку.

- Ты прошла, - произнёс он. - Ты ответила честно. Ты не сломалась. Ты доказала, что достойна. Доступ к Архиву открыт. Вся мудрость Альбертины - твоя. Используй её. И помни: знание - это не власть. Это ответственность.

Алиса выдохнула. Она прошла. Она действительно прошла. И теперь она могла приступить к тому, ради чего пришла сюда: к поиску «Сердца Альбертины». К остановке призраков. К завершению миссии.

Когда пустота окончательно рассеялась, и Алиса снова оказалась в центральном зале Архива, она почувствовала, как её тело - настоящее, физическое - возвращается к ней. Ощущения были странными: мышцы затекли, словно она провела в неподвижности несколько часов, хотя субъективно прошло не больше получаса. Голова кружилась, во рту стоял металлический привкус. Но сознание было ясным, как никогда. Она прошла испытание. Она доказала своё право. И теперь перед ней открывались двери, которые раньше были закрыты.

Архивариус, всё ещё парящий над постаментом, казался удовлетворённым. Его лицо, обычно менявшееся каждую секунду, застыло в одном выражении - спокойном, почти умиротворённом.

- Ты прошла, оператор, - повторил он. - Теперь ты имеешь доступ ко всем секциям Архива. Книги, манускрипты, артефакты - всё это в твоём распоряжении. Но я должен предупредить тебя: знание, которое ты получишь, может быть опасным. Оно может изменить тебя. Оно может сломать тебя. Ты готова к этому?

- Я готова, - ответила Алиса. - Я пришла сюда не за знаниями ради знаний. Я пришла, чтобы найти способ остановить призраков Альбертины. Чтобы исцелить Архив. Чтобы завершить то, что начал Кальп.

- Тогда слушай, - произнёс Архивариус. - Я расскажу тебе о «Сердце Альбертины». О том, что это такое и как его активировать. Но помни: каждое слово, которое я скажу, имеет цену. Не для меня - для тебя. Потому что знание обязывает. Знание меняет. Ты уже не будешь прежней, когда узнаешь правду.

Алиса кивнула. Она знала это. Она приняла эту цену. И она была готова платить.

Архивариус начал рассказ. Его голос, как всегда многоголосый, звучал торжественно и печально.

- «Сердце Альбертины» - это не просто артефакт, - произнёс он. - Это жертва. Когда Кальп понял, что его эксперименты с Комнатой привели к созданию призраков, он был в отчаянии. Он искал способ вернуть их обратно, упокоить их, освободить. Но все его попытки провалились. Тогда он решил создать нечто, что могло бы поглотить призраков. Не уничтожить - сохранить. Как янтарь сохраняет насекомых. Как лес сохраняет память. Он создал «Сердце» - устройство, способное втягивать в себя фрагментированные сознания и давать им покой. Не смерть - именно покой. Вечный сон, в котором они не страдают, не помнят, не мстят.

- Но почему он не активировал его? - спросила Алиса. - Почему оставил здесь?

- Потому что для активации «Сердца» нужен оператор, - ответил Архивариус. - Нужен тот, кто добровольно отдаст часть своей души. Часть своей любви. Кальп не смог этого сделать. Он был слишком изранен. Слишком опустошён. Его любовь иссякла. Он пытался - но у него не хватило сил. Тогда он запер «Сердце» здесь, в самой глубокой части подземелий, и завещал его тому, кто придёт после него. Тому, кто сможет сделать то, чего не смог он. Тому, у кого хватит любви.

Алиса слушала, и в её груди росло странное чувство. Не страх. Не решимость. Что-то более глубокое. Сострадание. Она понимала Кальпа. Понимала его боль. Его одиночество. Его отчаяние. Она сама прошла через всё это. Но в отличие от него, она не позволила своей любви иссякнуть. Она продолжала любить - даже когда те, кого она любила, умирали. Она продолжала верить - даже когда реальность рушилась. И теперь она была готова отдать эту любовь тем, кто был её лишён. Призракам. Теням. Всем, кто страдал в сети.

- Я сделаю это, - сказала она. - Я активирую «Сердце». Я дам им покой.

Архивариус посмотрел на неё долгим взглядом. Затем кивнул.

- Тогда иди. Иди туда, где бьётся сердце леса. Туда, где тьма глубже всего. Туда, где ждут призраки. И помни: ты не одна. Все мы - я, Кальп, твой дед, все операторы прошлого - мы с тобой. Мы верим в тебя.

Алиса покинула центральный зал и направилась в самую глубокую часть подземелий. Архивариус указал ей путь: через анфиладу залов, мимо стеллажей с книгами, вниз по ещё одной винтовой лестнице, которая уходила в темноту. Эта лестница была древнее предыдущей - её ступени были вырублены не в камне, а в янтаре. Они светились, и с каждым шагом вниз свет становился ярче, теплее, живее. Алиса чувствовала, как энергия сети концентрируется вокруг неё. Как лес приветствует её. Как Мать-Смола ждёт.

На глубине ста пятидесяти метров - она определила это по тому, как изменилось давление и как заложило уши, - лестница кончилась. Алиса оказалась в огромной пещере. Её своды терялись в темноте, а стены были покрыты не мхом, а живыми янтарными каплями - такими же, как те, что она видела в Приморском карьере, когда впервые коснулась «Мозга». Эти капли пульсировали, и каждая из них содержала в себе фрагмент памяти. Фрагмент сознания. Фрагмент души.

В центре пещеры, на возвышении, стояло «Сердце Альбертины». Оно было сделано из чистого, прозрачного янтара, внутри которого медленно вращался золотой свет. Оно было размером с человеческое сердце - или чуть больше. И оно билось. Ритмично, ровно, успокаивающе. Как сердце спящего великана. Как сердце леса.

Алиса подошла к нему и опустилась на колени. Она знала, что делать. Она достала Ключ - цилиндр, данный ей Эвальдом, - и вставила его в углубление на вершине «Сердца». Ключ вошёл идеально, словно был создан для этого. Алиса положила ладонь на тёплую поверхность янтара и закрыла глаза. Она начала вливать в «Сердце» свою любовь. Не абстрактное чувство - конкретную энергию, ту самую, которую она использовала для активации узлов. Она отдавала её добровольно. Отдавала с радостью. Потому что знала: это поможет. Это спасёт. Это освободит.

«Сердце» засияло. Золотой свет разлился по пещере, заполняя её теплом. И Алиса почувствовала, как призраки Альбертины - все, кто был заперт в сети, - начинают двигаться. Они тянулись к свету. Тянулись к покою. И один за другим они исчезали, растворялись, упокаивались.

Это было началом конца. Конец войны с тенью. И начала новой эры. Эры, в которой Архив был исцелён. Эры, в которой лес был свободен. Эры, в которой Алиса, наконец, могла отдохнуть.

Глава 5: Читальный зал призраков

Золотой свет, разлившийся по пещере после активации «Сердца Альбертины», постепенно угас. Алиса стояла на коленях перед янтарным артефактом, всё ещё прижимая ладонь к его тёплой поверхности. Она чувствовала, как последние призраки - фрагментированные сознания операторов прошлого - втягиваются в «Сердце», обретая долгожданный покой. Это было похоже на тихий вздох облегчения, который пронёсся по всей сети. Лес, Архив, сама реальность - всё это на мгновение замерло, а затем продолжило своё существование, но уже без того напряжения, которое копилось десятилетиями.

Она убрала руку и медленно поднялась. Ноги затекли, спина болела, но внутри неё разливалось странное, почти забытое чувство. Покой. Она сделала это. Она завершила то, что не смог завершить Кальп. Она освободила призраков. Она исцелила Архив. Но её миссия ещё не была закончена. Теперь, когда угроза теней миновала, ей предстояло сделать то, ради чего она, собственно, и пришла сюда. Изучить Архив. Понять, какие знания хранятся в его недрах. И решить, что с ними делать дальше.

Она поднялась по винтовой лестнице обратно в ротонду. Архивариус ждал её. Его проекция стала ярче и стабильнее - видимо, исцеление «Сердца» укрепило и его, ведь он был частью Архива, его душой, его хранителем.

- Ты сделала это, - произнёс он, и в его голосе звучало нечто похожее на благодарность. - Ты освободила их. Теперь Архив чист. Я чувствую, как энергия сети течёт свободно, без помех. Спасибо тебе, оператор.

- Это мой долг, - ответила Алиса. - Но я здесь не только ради призраков. Я хочу изучить Архив. Понять, что именно хранится в этих книгах. Кальп, мой дед, все, кто был до меня, - они оставили здесь свои знания. Я должна узнать их. Возможно, они помогут мне завершить миссию.

Архивариус кивнул.

- Ты имеешь на это право. Ты прошла испытание. Ты активировала «Сердце». Все двери Архива открыты для тебя. Но будь осторожна. Некоторые знания могут быть опасны. Некоторые истины - невыносимы. Ты готова к этому?

- Готова, - ответила Алиса. - Я всегда готова.

Архивариус указал на один из проходов, ведущих вглубь ротонды.

- Тогда иди. Читальный зал ждёт тебя. Там ты найдёшь то, что ищешь. Там ты встретишь тех, кто был до тебя. Не бойся их. Они - не призраки. Они - учителя.

Читальный зал Архива оказался именно таким, каким Алиса его представляла - и одновременно совершенно иным. Это было огромное круглое помещение, увенчанное куполом, который терялся в темноте на высоте не менее тридцати метров. Вдоль стен, изгибаясь плавной дугой, стояли стеллажи из цельного янтаря. Они светились мягким золотистым светом, и на их полках покоились книги. Не обычные - каждая из них была сделана из янтарных пластин, соединённых тончайшими нитями какого-то органического материала, похожего на паутину. На корешках не было названий. Вместо них - символы, выгравированные на языке Предтеч, который Алиса теперь читала почти так же свободно, как родной.

В центре зала стоял длинный стол - массивный, вырезанный из цельного куска окаменевшего дерева. Вокруг стола - двенадцать кресел с высокими спинками, обитых выцветшим бархатом. На столе лежали письменные приборы: гусиные перья, чернильницы, лупы, какие-то алхимические инструменты. Всё это выглядело так, словно здесь только что работали люди - но они исчезли, оставив всё на своих местах. Алиса провела пальцем по столу. Пыли не было. Архив сам поддерживал себя в порядке.

Но самым поразительным был не стол и не стеллажи. Самым поразительным был свет. Он шёл не от ламп, не от мха, не от янтарных панелей. Он шёл от книг. Каждая книга светилась - слабо, едва заметно, но достаточно, чтобы наполнить зал призрачным сиянием. Это был свет информации. Свет памяти. Свет сознаний, заключённых в янтаре. Алиса поняла: здесь, в этом зале, хранились не просто тексты. Здесь хранились души. Копии сознаний учёных, работавших в Кёнигсбергском университете на протяжении столетий. Каждая книга была не книгой - она была человеком.

Она подошла к ближайшему стеллажу и наугад взяла одну из янтарных пластин. Та была тёплой на ощупь. Алиса открыла её - и мир вокруг изменился.

Из книги поднялась проекция. Не плоская, как голограмма, а объёмная, живая, почти реальная. Перед Алисой стоял человек. Он был одет в камзол конца XVIII века - тёмно-синий, с золотым шитьём, - а на его напудренном парике поблёскивали капельки влаги, словно он только что вошёл с улицы. Его лицо было узким, с высоким лбом и пронизательными, немного грустными глазами. Он держал в руке трость с набалдашником из янтаря и смотрел на Алису так, словно видел её насквозь. Она узнала его по портретам, которые видела в архиве деда. Иоганн Готфрид Хазе. Математик. Декан философского факультета. Один из основателей Круга Альбертины. И один из первых призраков.

- Добро пожаловать, преемница, - произнёс он, и его голос звучал не как запись, а как живая речь. - Я ждал тебя. Мы все ждали тебя. Садись. - Он указал на одно из кресел. - Нам есть о чём поговорить.

Алиса села. Она не боялась. Она знала, что это не призрак - не тот, что был побеждён активацией «Сердца». Это была копия сознания, записанная на янтарь ещё при жизни Хазе. Он не страдал. Он не жаждал мести. Он был здесь, чтобы учить. Чтобы передать знание.

- Ты, должно быть, удивлена, - продолжил Хазе, садясь напротив неё. - Ты думала, что Архив - это просто склад старых книг. Но мы, те, кто работал здесь, - мы не могли уйти, не оставив после себя что-то большее. Мы записали наши сознания на янтарь, чтобы те, кто придёт после нас, могли учиться у нас напрямую. Не через тексты - через диалог. Через общение. Через опыт.

- Значит, каждая книга здесь - это человек? - спросила Алиса.

- Не каждая, - ответил Хазе. - Некоторые книги - это просто книги. Трактаты, диссертации, записи экспериментов. Но те, что помечены символом Круга, - да, это мы. Двенадцать профессоров Кёнигсбергского университета, которые посвятили свои жизни изучению янтаря. Мы называем себя «Советом двенадцати». Мы были первыми, кто понял, что янтарь - это не просто камень. Мы создали науку, которую называли «янтарной информатикой». И мы хотим передать её тебе.

Хазе начал свой рассказ. Он говорил, и его голос, подкреплённый проекцией, заполнял зал. Алиса слушала, затаив дыхание. То, что она узнала, переворачивало все её представления о науке, истории и реальности.

- Когда Кёнигсбергский университет был основан в 1544 году, - говорил Хазе, - никто и не подозревал, что он стоит на костях древнего леса. Прошли столетия, прежде чем алхимики, работавшие в подвалах, начали замечать странные свойства балтийского янтаря. Они обнаружили, что некоторые образцы светятся в темноте. Что они реагируют на человеческое прикосновение. Что они... говорят. Сначала это считали мистикой. Проявлением божественного. Но в начале XVIII века мы - я и мои коллеги - подошли к этому с научной точки зрения. Мы начали систематически изучать янтарь. И мы обнаружили, что он обладает свойствами, которые не объясняются обычной физикой.

Хазе встал и подошёл к одному из стеллажей. Он достал ещё одну янтарную пластину - на этот раз не книгу, а что-то вроде карты, - и разложил её на столе. На пластине был выгравирован сложный узор из линий и символов, напоминающий одновременно схему нейронной сети и кристаллическую решётку. Алиса узнала его: это была та самая структура, которую она видела в файле spectrogram_final.dat и в проекциях «Мозга». Информационная матрица янтаря.

- Мы назвали это «янтарной информатикой», - продолжал Хазе. - Это наука о том, как информация записывается, хранится и передаётся через янтарь. Мы выяснили, что смола, застывая, фиксирует не только физические объекты - насекомых, пыльцу, пузырьки воздуха, - но и электромагнитные поля, квантовые состояния, даже мысли. Да, мысли. Потому что мысль - это тоже информация. И янтарь способен её улавливать. Сохранять. Воспроизводить.

- Но как вы это обнаружили? - спросила Алиса. - У вас не было квантовой физики. Не было электронных микроскопов. Как вы поняли, что янтарь хранит информацию?

- Через эксперименты, - ответил Хазе. - Долгие, кропотливые, иногда опасные. Мы построили первые Пси-призмы - устройства, способные считывать информацию, записанную в янтаре, и переводить её в образы. Мы работали с добровольцами - людьми, которые соглашались прикоснуться к активированному янтарию и рассказать, что они видят. Сначала это были просто вспышки, обрывки, хаос. Но постепенно мы научились расшифровывать сигнал. И мы увидели прошлое. Настоящее прошлое - то, что происходило на Земле миллионы лет назад. Мы увидели лес. Мы увидели динозавров. Мы увидели Предтеч.

- Предтеч? - переспросила Алиса. - Вы знали о Предтечах?

- Знали, - кивнул Хазе. - Не так много, как ты, но знали. Мы расшифровали часть их посланий - тех, что записаны в янтаре. Мы поняли, что лес был создан ими. Что янтарь - это их технология. И что они оставили инструкцию. Инструкцию, которую мы не смогли прочитать до конца - не хватило знаний, не хватило времени. Но мы верили, что однажды придёт тот, кто сможет. И вот ты здесь.

Хазе рассказал Алисе о структуре «янтарной информатики». Это была не просто наука - это был синтез множества дисциплин. Двенадцать секторов ротонды соответствовали двенадцати направлениям исследований, каждым из которых занимался один из членов Совета.

- Математика, физика, химия, биология, теология, юриспруденция, медицина, история, филология, астрономия, музыка и, наконец, тайная тринадцатая секция - «Янтарная информатика» как таковая, доступ к которой имел лишь Кальп. Каждая из этих дисциплин внесла свой вклад в понимание янтара. Математика дала нам язык для описания информационных процессов. Физика - понимание квантовой природы смолы. Химия - способы активации и модификации янтара. Биология - знание о том, как живое взаимодействует с минералом. Теология - этические принципы, запрещающие использовать Комнату во зло. Юриспруденция - законы, регулирующие доступ к знаниям. Медицина - способы защиты оператора от разрушительного воздействия сети. История - хронику всех, кто когда-либо работал с янтарём. Филология - расшифровку языка Предтеч. Астрономия - понимание того, что лес - лишь часть галактической сети. Музыка - частоты, на которых янтарь резонирует с сознанием. Всё это было объединено в «янтарную информатику». И всё это теперь доступно тебе.

Алиса слушала, и её переполняли эмоции. Восхищение. Благоговение. Грусть. Все эти люди - гении, опередившие своё время, - работали над разгадкой тайны, которую она теперь держала в руках. Они отдали свои жизни - в буквальном смысле, записав сознания на янтарь, - чтобы передать знание ей. И она не могла их подвести.

- Я хочу поговорить с каждым из них, - сказала она. - С каждым из Совета. Я хочу узнать всё, что они знают.

Хазе улыбнулся.

- У тебя будет такая возможность. Они ждут тебя. Но помни: время здесь течёт иначе. Ты можешь провести в Архиве часы - а в реальном мире пройдут дни. Твои друзья будут волноваться. Ты готова к этому?

- Мои друзья знают, где я, - ответила Алиса. - Они будут ждать столько, сколько потребуется. Я не уйду отсюда, пока не узнаю всё.

Хазе кивнул.

- Тогда начнём. Кого ты хочешь увидеть первым?

Следующей, кого Алиса выбрала для разговора, была Лаура Басси - итальянка, единственная женщина-профессор в Совете двенадцати. Её книга лежала на стеллаже, помеченном символом физики - стилизованным атомом, окружённым волнами. Алиса коснулась янтарной пластины, и из неё поднялась проекция. Лаура Басси была невысокой, хрупкой женщиной с живыми, горящими глазами. Она была одета в платье середины XVIII века, но держалась с той уверенностью, которая выдавала в ней человека, привыкшего спорить с мужчинами и побеждать. Она улыбнулась Алисе.

- Так вот ты какая, - произнесла она. - Наследница. Я ждала тебя. Я знала, что однажды появится женщина, которая завершит начатое. Мужчины слишком горды. Они не умеют жертвовать. А мы - умеем.

Алиса села в кресло напротив неё.

- Расскажите мне о физике янтара, - попросила она. - О том, что вы узнали.

Басси кивнула. Она начала говорить - и её рассказ был таким же ярким и страстным, как она сама. Она объяснила, как янтарь взаимодействует с поляризованным светом, как квантовые состояния сохраняются в полимерной матрице, как конденсат Бозе-Эйнштейна, образуя-

щийся в пузырьках газа при определённых температурах, позволяет янтарю работать как квантовый компьютер. Она показала Алисе формулы, которые вывела двести лет назад, - формулы, которые описывали процессы, официально открытые лишь в конце XX века. Она говорила о том, что свет - это не волна и не частица, а информация, и янтарь - идеальный носитель для этой информации, потому что его структура способна сохранять квантовые состояния неограниченно долго.

- Мы опередили своё время на столетия, - закончила она. - Но мы не могли опубликовать наши открытия. Они были слишком опасны. Церковь обвинила бы нас в ереси. Государство - в шпионаже. Поэтому мы спрятали всё здесь, в Архиве. В надежде, что однажды мир будет готов. Что однажды появишься ты.

- Мир всё ещё не готов, - сказала Алиса. - Но я сделаю всё, чтобы подготовить его.

Следующим был алхимик - хранитель сектора химии. Его звали Фридрих фон Витгенштейн - дальний предок того самого философа, хотя сам он об этом не знал. Он был грубоватым, с обожжёнными кислотами руками, но его глаза светились умом. Он рассказал Алисе о том, как янтарь реагирует на различные вещества, как его можно активировать с помощью кислот и щелочей, как создавать «янтарный лак» - ту самую субстанцию, которую дед Алисы использовал для своих экспериментов. Он показал ей формулу «Чёрного Воскрешения» - способ извлечь информацию из мёртвого янтаря и загрузить её в новый носитель. Ту самую формулу, которую пытался использовать Гофман. Витгенштейн предупредил Алису: эта формула - проклятие. Она позволяет воскрешать мёртвых, но каждое воскрешение ослабляет ткань реальности. Использовать её можно только в крайнем случае - и только тому, кто готов пожертвовать собой.

После химика Алиса поговорила с теологом. Это был пастор Иоганн Шульц, близкий друг Канта, который примирил свою веру с наукой. Он рассказал Алисе о том, что янтарь - это не просто камень, а дар Божий - или, если угодно, дар Предтеч, - который требует ответственного использования. Он сформулировал этические принципы, которые легли в основу Кодекса Альбертины: не используй Комнату для власти; не вмешивайся в реальность без крайней необходимости; всегда помни о цене. Алиса слушала его и понимала, что эти принципы - не догма, а руководство к действию. Она уже следовала им, даже не зная о них. И теперь она знала, что на правильном пути.

Алиса продолжила обход. Следующим был историк - сухонький старик с лицом, которое, казалось, состояло из сотен других лиц, словно коллаж. Его звали Август фон Котцебу, и он был хранителем хроник Круга. Он рассказал Алисе историю Кёнигсбергского университета и его тайного факультета - того самого, который занимался изучением янтаря. Он показал ей списки всех, кто когда-либо работал с Комнатой: от первых алхимиков XVI века до учёных К-13 и сотрудников «Балтийского ИИ». Среди этих списков Алиса нашла знакомые имена: Кальп, фон Шлибен, её дед, Гофман, Барон. Каждый из них оставил свой след. Каждый заплатил свою цену.

Медик - женщина-врач по имени Хелена фон Бюлов - осмотрела Алису (насколько это было возможно в проекционном состоянии) и дала ей советы по управлению имплантом. Она объяснила, что Кровь Предтеч, текущая в жилах Алисы, - это не проклятие, а адаптация. Тело Алисы постепенно приспосабливается к новому состоянию, и скоро она перестанет испытывать побочные эффекты - кровотечения из носа, головные боли, судороги. Но для этого ей нужно научиться контролировать поток информации, а не позволять ему контролировать её. Алиса запомнила эти советы. Они могли пригодиться.

Последней - по крайней мере, на сегодня - Алиса решила посетить секцию музыки. Её хранителем был слепой органист по имени Иоганн Себастьян Мюллер (не родственник великого Баха, хотя он любил шутить, что «все Мюллеры - родственники»). Он не стал задавать вопросов. Он просто сел за несуществующий орган - его проекция включала в себя инстру-

мент, - и начал играть. Мелодия была не похожа ни на что, что Алиса слышала раньше. Она была одновременно и древней, как ветер, и современной, как квантовые вычисления. Она была написана на частотах, которые резонировали с янтарём. И когда Мюллер играл, Алиса видела, как книги на стеллажах начинали светиться ярче, как янтарные панели на стенах пульсировали в такт музыке, как сам Архив - пел. Это была музыка леса. Музыка сфер. Музыка, которая связывала всё сущее в единую гармонию.

Когда Мюллер закончил, он повернулся к Алисе - хотя его глаза были слепы, он, казалось, видел её.

- Это и есть суть янтарной информатики, - сказал он. - Не формулы, не законы, не правила. Гармония. Лес - это симфония. А ты - её дирижёр. Не забывай об этом.

Алиса поблагодарила его и покинула секцию музыки. Она была переполнена впечатлениями. Она узнала больше за несколько часов, проведённых в Архиве, чем за всю предыдущую жизнь. Но она знала, что это только начало. Ей ещё предстояло поговорить с остальными членами Совета. Изучить тринадцатую секцию - ту, которую Кальп запер для всех, кроме избранных. И, наконец, решить, как использовать полученные знания.

Глава 5: Читальный зал призраков

Золотой свет, разлившийся по пещере после активации «Сердца Альбертины», постепенно угас. Алиса стояла на коленях перед янтарным артефактом, всё ещё прижимая ладонь к его тёплой поверхности. Она чувствовала, как последние призраки - фрагментированные сознания операторов прошлого - втягиваются в «Сердце», обретая долгожданный покой. Это было похоже на тихий вздох облегчения, который пронёсся по всей сети. Лес, Архив, сама реальность - всё это на мгновение замерло, а затем продолжило своё существование, но уже без того напряжения, которое копилось десятилетиями. Алиса ощущала это как физическое облегчение - словно невидимый груз, давивший на плечи все последние месяцы, наконец-то исчез.

Она убрала руку и медленно поднялась. Ноги затекли, спина болела, мышцы ныли от долгого стояния на коленях на холодном камне. Но внутри неё разливалось странное, почти забытое чувство. Покой. Она сделала это. Она завершила то, что не смог завершить Кальп. Она освободила призраков. Она исцелила Архив. Но её миссия ещё не была закончена. Теперь, когда угроза теней миновала, ей предстояло сделать то, ради чего она, собственно, и пришла сюда. Изучить Архив. Понять, какие знания хранятся в его недрах. И решить, что с ними делать дальше.

Она поднялась по винтовой лестнице обратно в ротонду. Каждый шаг давался с трудом - тело, измученное испытаниями, требовало отдыха, - но Алиса не позволяла себе останавливаться. Она знала, что время в Архиве течёт иначе, чем на поверхности, и каждый час, проведённый здесь, мог обернуться днями в реальном мире. Её друзья - Ольга, Дмитрий, Эвальд - ждали её. Они волновались. Но она не могла уйти, не завершив начатое.

Архивариус ждал её в ротонде. Его проекция стала ярче и стабильнее - видимо, исцеление «Сердца» укрепило и его, ведь он был частью Архива, его душой, его хранителем. Он парил над постаментом, и его лицо, обычно менявшееся каждую секунду, застыло в выражении глубокого удовлетворения.

- Ты сделала это, - произнёс он, и в его голосе звучало нечто похожее на благодарность. - Ты освободила их. Теперь Архив чист. Я чувствую, как энергия сети течёт свободно, без помех. Спасибо тебе, оператор.

- Это мой долг, - ответила Алиса. - Но я здесь не только ради призраков. Я хочу изучить Архив. Понять, что именно хранится в этих книгах. Кальп, мой дед, все, кто был до меня, - они оставили здесь свои знания. Я должна узнать их. Возможно, они помогут мне завершить миссию. Помогут понять, что делать дальше.

Архивариус кивнул.

- Ты имеешь на это право. Ты прошла испытание. Ты активировала «Сердце». Все двери Архива открыты для тебя. Но будь осторожна. Некоторые знания могут быть опасны. Некоторые истины - невыносимы. Ты готова к этому?

- Готова, - ответила Алиса. - Я всегда готова.

Архивариус указал на один из проходов, ведущих вглубь ротонды. Он отличался от остальных: его арка была украшена барельефами, изображавшими сцены из истории Кёнигсбергского университета - лекции, диспуты, алхимические опыты. Над аркой была выгравирована надпись на латыни: «Scientia est lux. Lux est via». «Знание - это свет. Свет - это путь».

- Тогда иди, - произнёс Архивариус. - Читальный зал ждёт тебя. Там ты найдёшь то, что ищешь. Там ты встретишь тех, кто был до тебя. Не бойся их. Они - не призраки. Они - учителя.

Читальный зал Архива оказался именно таким, каким Алиса его представляла - и одновременно совершенно иным. Это было огромное круглое помещение, увенчанное куполом, который терялся в темноте на высоте не менее тридцати метров. Купол был расписан фресками, изображавшими звёздное небо - но не то, что видно с Земли, а совсем иное, с тремя лунами и золотыми спиральями галактик. Алиса узнала этот пейзаж: он был похож на тот, что она видела во сне о Предтечах. Фрески слабо светились, и их свет смешивался со светом, исходящим от книг, создавая в зале атмосферу неземного, почти магического покоя.

Вдоль стен, изгибаясь плавной дугой, стояли стеллажи из цельного янтаря. Они были не просто мебелью - они были частью Архива, живыми организмами, которые реагировали на присутствие читателя. Когда Алиса проходила мимо, стеллажи начинали светиться ярче, словно приветствуя её. На их полках покоились книги. Не обычные - каждая из них была сделана из янтарных пластин, соединённых тончайшими нитями какого-то органического материала, похожего на паутину, но гораздо более прочного. На корешках не было названий. Вместо них - символы, выгравированные на языке Предтеч, который Алиса теперь читала почти так же свободно, как родной русский или английский.

Она подошла к ближайшему стеллажу и провела пальцем по корешкам. «Основы квантовой информатики», «История Круга Альбертины, том I–V», «Трактат о природе времени», «Этика оператора», «Дневники Теодора Кальпа, том I–XII». Здесь было всё. Вся мудрость, накопленная поколениями учёных, работавших с янтарём. Вся история войны за реальность, которая велась столетиями. Алиса чувствовала себя так, словно она попала в легендарную Александрийскую библиотеку - только эта библиотека не сгорела. Она сохранилась. И теперь была открыта для неё.

В центре зала стоял длинный стол - массивный, вырезанный из цельного куска окаменевшего дерева, которому, судя по текстуре, было не меньше нескольких миллионов лет. Вокруг стола - двенадцать кресел с высокими спинками, обитых выцветшим бархатом, когда-то, вероятно, бордовым, а теперь - бледно-розовым от времени. На столе лежали письменные приборы: гусиные перья, чернильницы из янтаря, лупы с линзами из чёрного янтаря, какие-то алхимические инструменты - реторты, тигли, весы. Всё это выглядело так, словно здесь только что работали люди - но они исчезли, оставив всё на своих местах. Алиса провела пальцем по столу. Пыли не было. Архив сам поддерживал себя в порядке - возможно, благодаря тому же биолюминесцентному мху, который не только светился, но и каким-то образом очищал воздух и поверхности.

Но самым поразительным был не стол и не стеллажи. Самым поразительным был свет. Он шёл не от ламп, не от мха, не от янтарных панелей. Он шёл от книг. Каждая книга светилась - слабо, едва заметно, но достаточно, чтобы наполнить зал призрачным сиянием. Это был свет информации. Свет памяти. Свет сознаний, заключённых в янтаре. Алиса поняла: здесь, в этом зале, хранились не просто тексты. Здесь хранились души. Копии сознаний учёных, работавших в Кёнигсбергском университете на протяжении столетий. Каждая книга была не книгой - она была человеком. И каждая ждала, когда её откроют.

Алиса подошла к стеллажу, помеченному символом математики - стилизованной сферой, вписанной в тетраэдр, - и наугад взяла одну из янтарных пластин. Та была тёплой на ощупь, словно живое существо. Алиса открыла её - и мир вокруг изменился.

Из книги поднялась проекция. Не плоская, как голограмма, а объёмная, живая, почти реальная. Перед Алисой стоял человек. Он был одет в камзол конца XVIII века - тёмно-синий, с золотым шитьём, - а на его напудренном парике поблёскивали капельки влаги, словно он только что вошёл с улицы. Его лицо было узким, с высоким лбом, пронизательными, немного грустными глазами и тонкими губами, на которых играла едва заметная улыбка. Он держал в руке трость с набалдашником из янтаря - такую же, какие Алиса видела на старых портретах, - и смотрел на неё так, словно видел насквозь. Она узнала его. Иоганн Готфрид Хазе. Математик. Декан философского факультета Кёнигсбергского университета. Один из основателей Круга Альбертины. И один из первых, кто попытался использовать Комнату - и поплатился за это.

- Добро пожаловать, преемница, - произнёс он, и его голос звучал не как запись, а как живая речь, с интонациями, паузами, даже лёгким покашливанием, словно он прочищал горло перед началом лекции. - Я ждал тебя. Мы все ждали тебя. Садись. - Он указал на одно из кресел. - Нам есть о чём поговорить. И у нас не так много времени, как хотелось бы.

Алиса села. Она не боялась. Она знала, что это не призрак - не тот, что был побеждён активацией «Сердца». Это была копия сознания, записанная на янтарь ещё при жизни Хазе, когда он был в здравом уме и твёрдой памяти. Он не страдал. Он не жаждал мести. Он был здесь, чтобы учить. Чтобы передать знание. И Алиса была готова учиться.

- Ты, должно быть, удивлена, - продолжил Хазе, садясь напротив неё. Он положил трость на стол и сложил руки на коленях - жест, который показался Алисе удивительно современным, совсем не похожим на манеры XVIII века. - Ты думала, что Архив - это просто склад старых книг. Что мы, те, кто работал здесь, просто оставили после себя записи. Но мы не могли уйти, не оставив чего-то большего. Мы записали наши сознания на янтарь, чтобы те, кто придёт после нас, могли учиться у нас напрямую. Не через тексты - через диалог. Через общение. Через опыт. Книга, которую ты держишь в руках, - это не просто набор символов. Это я. Вернее, моя копия. Мои знания, мои мысли, моя личность - всё это сохранено здесь, в янтарной матрице.

- Значит, каждая книга здесь - это человек? - спросила Алиса. Она всё ещё держала пластину в руках и чувствовала, как та пульсирует, словно в такт сердцебиению.

- Не каждая, - ответил Хазе. - Некоторые книги - это просто книги. Трактаты, диссертации, записи экспериментов. Но те, что помечены символом Круга, - да, это мы. Двенадцать профессоров Кёнигсбергского университета, которые посвятили свои жизни изучению янтаря. Мы называем себя «Советом двенадцати». Мы были первыми, кто понял, что янтарь - это не просто камень, не просто окаменевшая смола. Мы создали науку, которую назвали «янтарной информатикой». И мы хотим передать её тебе - потому что ты первая за двести лет, кто достоин этого знания.

Хазе начал свой рассказ. Он говорил, и его голос, подкреплённый проекцией, заполнял зал. Вокруг них, на стенах, начали появляться изображения - иллюстрации к его словам, создаваемые самим Архивом в ответ на его речь. Алиса слушала, затаив дыхание. То, что она узнала, переворачивало все её представления о науке, истории и реальности.

- Когда Кёнигсбергский университет был основан в 1544 году герцогом Альбрехтом, - начал Хазе, - никто и не подозревал, что он стоит на костях древнего леса. Само здание было построено на фундаменте старого тевтонского замка, а тот, в свою очередь, - на руинах прусского святилища. Слои истории накладывались друг на друга, как страницы книги. Но самый глубокий слой - тот, о котором не знал никто, - был создан не людьми. Он был создан Предтечами за пятьдесят миллионов лет до появления первого человека. И в этом слое, в толще голубой глины и спрессованного песка, покоился янтарь - не обычный, не тот, что выбрасывает море на пляжи, а особый, чёрный, заряженный информацией.

- Как вы узнали об этом? - спросила Алиса. - Как алхимики XVI века, не имевшие ни микроскопов, ни спектрометров, смогли понять, что янтарь хранит информацию?

- Через наблюдение, - ответил Хазе. - Через долгие, кропотливые, часто опасные наблюдения. Первые алхимики, работавшие в подвалах университета, заметили, что некоторые образцы янтаря светятся в темноте. Что они реагируют на человеческое прикосновение - нагреваются, меняют цвет, даже издают звуки. Что они... говорят. Сначала это считали мистикой, проявлением божественного. Но в начале XVIII века мы - я и мои коллеги - подошли к этому с научной точки зрения. Мы начали систематически изучать янтарь. И мы обнаружили, что он обладает свойствами, которые не объясняются обычной физикой.

Хазе встал и подошёл к одному из стеллажей. Он достал ещё одну янтарную пластину - на этот раз не книгу, а что-то вроде карты или схемы, - и разложил её на столе. Алиса подошла ближе. На пластине был выгравирован сложный узор из линий и символов, напоминающий одновременно схему нейронной сети, кристаллическую решётку и карту звёздного неба. Она узнала его: это была та самая структура, которую она видела в файле spectrogram_final.dat, в проекциях «Мозга», в интерференционных картинах на воде. Информационная матрица янтаря.

- Мы назвали это «янтарной информатикой», - продолжал Хазе, водя пальцем по линиям на пластине. - Это наука о том, как информация записывается, хранится и передаётся через янтарь. Мы выяснили, что смола, застывая, фиксирует не только физические объекты - насекомых, пыльцу, пузырьки воздуха, - но и электромагнитные поля, квантовые состояния, даже мысли. Да, мысли. Потому что мысль - это тоже информация. И янтарь способен её улавливать. Сохранять. Воспроизводить.

- Но как вы это доказали? - спросила Алиса. - У вас не было квантовой физики. Не было электронных микроскопов. Как вы поняли, что янтарь хранит мысли?

- Через эксперименты, - ответил Хазе, и его лицо омрачилось. - Долгие, кропотливые, иногда опасные эксперименты. Мы построили первые Пси-призмы - устройства, способные считывать информацию, записанную в янтаре, и переводить её в визуальные образы. Первые модели были грубыми, несовершенными. Они часто давали сбои. Иногда они... вредили операторам. - Он замолчал, словно вспоминая что-то тяжёлое. - Но постепенно мы совершенствовали технологию. Мы работали с добровольцами - людьми, которые соглашались прикоснуться к активированному янтарию и рассказать, что они видят. Сначала это были просто вспышки, обрывки, хаос. Но постепенно мы научились расшифровывать сигнал. И мы увидели прошлое. Настоящее прошлое - то, что происходило на Земле миллионы лет назад. Мы увидели лес. Мы увидели динозавров. Мы увидели Предтеч.

- Предтеч? - переспросила Алиса. - Вы знали о Предтечах?

- Знали, - кивнул Хазе. - Не так много, как ты, но знали. Мы расшифровали часть их посланий - тех, что записаны в янтаре. Мы поняли, что лес был создан ими. Что янтарь - это их технология. И что они оставили инструкцию. Инструкцию, которую мы не смогли прочитать до конца - не хватило знаний, не хватило времени. Но мы верили, что однажды придёт тот, кто сможет. И вот ты здесь.

Хазе рассказал Алисе о структуре «янтарной информатики». Это была не просто наука - это был синтез множества дисциплин. Двенадцать секторов ротонды соответствовали двенадцати направлениям исследований, каждым из которых занимался один из членов Совета. Алиса слушала, и перед ней разворачивалась грандиозная картина - картина науки, которая опередила своё время на столетия.

- Математика, - говорил Хазе, указывая на свой сектор, - дала нам язык для описания информационных процессов. Без математики мы не смогли бы понять, как информация кодируется в янтаре. Я разработал основы «янтарной алгебры» - системы уравнений, описывающих взаимодействие сознания с матрицей. Ты, как нейросетевой архитектор, наверняка оценишь:

многие принципы, которые вы используете в машинном обучении, были предвосхищены нами двести лет назад. Мы не знали слова «перцептрон», но мы создали его математическую модель.

- Физика, - продолжил он, переходя к следующему сектору, - дала понимание квантовой природы смолы. Лаура Басси, наша коллега из Болоньи, доказала, что свет, проходящий через янтарь, поляризуется особым образом, и эта поляризация несёт информацию. Её работы опередили открытия Фарадея и Максвелла на полвека. Она также первой предположила, что янтарь может служить носителем для квантовых вычислений - задолго до того, как Ричард Фейнман сформулировал саму концепцию квантового компьютера.

- Химия, - Хазе указал на сектор, где на полках стояли склянки с реактивами, - позволила нам активировать янтарь. Мы научились создавать «янтарный лак» - субстанцию, которая усиливает информационный сигнал. Мы открыли «царскую водку времени» - метафорическое название для процесса декогеренции, позволяющего извлекать информацию из самых глубоких слоёв матрицы. Фридрих фон Витгенштейн, наш химик, был гением - но его открытия были опасны. Он создал формулу «Чёрного Воскрешения», о которой ты, вероятно, слышала. Он предупредил: эта формула - проклятие.

- Биология, - Хазе перешёл к следующему сектору, - объяснила, как живое взаимодействует с минералом. Мы обнаружили, что некоторые люди обладают врождённой способностью к резонансу с янтарём. Мы назвали это «мутацией» - хотя тогда не знали о генах и ДНК. Твой дед, Виктор Штерн, развил эту теорию в XX веке. Но основы заложили мы.

- Теология, - голос Хазе стал тише, почтительнее, - дала нам этические принципы. Мы понимали, что знания, которые мы получаем, могут быть использованы во зло. Поэтому мы сформулировали правила, запрещающие использовать Комнату для власти. Иоганн Шульдц, наш теолог, близкий друг Канта, написал: «Янтарь - это дар. Но дар требует ответственности. Тот, кто использует его для возвышения, будет низвергнут. Тот, кто использует его для защиты, будет спасён».

- Юриспруденция, - продолжал Хазе, - закрепила эти правила в законах Круга. Медицина - нашла способы защитить оператора от разрушительного воздействия сети. История - сохранила хронику всех, кто когда-либо работал с янтарём. Филология - расшифровала язык Предтеч. Астрономия - показала, что лес - лишь часть галактической сети. Музыка - открыла частоты, на которых янтарь резонирует с сознанием. Всё это, вместе взятое, и есть «янтарная информатика». Наука, которая объединяет всё. И ты теперь - её наследница.

Алиса слушала, и её переполняли эмоции. Восхищение. Благоговение. Грусть. Все эти люди - гении, опередившие своё время, - работали над разгадкой тайны, которую она теперь держала в руках. Они отдали свои жизни - в буквальном смысле, записав сознания на янтарь, - чтобы передать знание ей. И она не могла их подвести.

- Вы сказали о двенадцати секциях, - произнесла она. - Но есть тринадцатая, не так ли? Кальп упоминал её. Он называл её «Янтарная информатика» - та, куда доступ имел только он.

Хазе кивнул. Его лицо, до этого оживлённое, стало серьёзным.

- Да, - сказал он. - Тринадцатая секция существует. Но она заперта. Не мной - самим Кальпом. Он поместил туда самые опасные артефакты. Самые тёмные знания. Включая оригинал «Фатум-инжиниринга» - алгоритма управления историей. Он считал, что никто, даже члены Совета, не должны иметь к нему доступ. Только оператор, прошедший все испытания. Только ты.

- Как мне попасть туда?

- Ты уже имеешь доступ, - ответил Хазе. - Ты прошла испытание. Ты активировала «Сердце». Дверь в тринадцатую секцию откроется для тебя. Но я советую тебе: не спеши. Сначала поговори с остальными членами Совета. Узнай всё, что они знают. Это поможет тебе подготовиться к тому, что ты увидишь в тринадцатой секции. Потому что то, что там хранится, может изменить тебя навсегда.

Следующей, кого Алиса выбрала для разговора, была Лаура Басси - итальянка, единственная женщина-профессор в Совете двенадцати. Её книга лежала на стеллаже, помеченном символом физики - стилизованным атомом, окружённым волнами. Алиса коснулась янтарной пластины, и из неё поднялась проекция. Лаура Басси оказалась невысокой, хрупкой женщиной с живыми, горящими глазами, в которых светился ум. Она была одета в платье середины XVIII века - строгое, тёмно-зелёное, с кружевным воротником, - но держалась с той уверенностью, которая выдавала в ней человека, привыкшего спорить с мужчинами и побеждать. Она улыбнулась Алисе, и её улыбка была тёплой, почти материнской.

- Так вот ты какая, - произнесла она с лёгким итальянским акцентом. - Наследница. Я ждала тебя. Я знала, что однажды появится женщина, которая завершит начатое. Мужчины слишком горды. Они не умеют жертвовать. А мы - умеем. Садись, дорогая. Расскажи мне о себе. О своём мире. О том, как далеко продвинулась наука с моего времени.

Алиса села в кресло напротив неё и вкратце рассказала о себе - о Стэнфорде, о нейросетях, о том, как она стала оператором. Басси слушала с интересом, иногда задавая уточняющие вопросы. Когда Алиса закончила, она покачала головой.

- Поразительно, - сказала она. - Вы построили машины, которые учатся. Вы создали сети, передающие информацию по всему миру за доли секунды. Но вы так и не поняли, что всё это уже существует в природе. Янтарь - это и есть нейросеть. Лес - это и есть интернет. Предтечи создали всё это задолго до вас. А мы, учёные прошлого, лишь прикоснулись к этому знанию.

- Расскажите мне о физике янтаря, - попросила Алиса. - О том, что вы узнали.

Басси кивнула и начала говорить. Её рассказ был ярким и страстным. Она объяснила, как янтарь взаимодействует с поляризованным светом, как квантовые состояния сохраняются в полимерной матрице, как конденсат Бозе-Эйнштейна, образующийся в пузырьках газа при определённых температурах, позволяет янтарю работать как квантовый компьютер. Она показала Алисе формулы, которые вывела двести лет назад, - формулы, описывавшие процессы, официально открытые лишь в конце XX века. Алиса смотрела на них и поражалась: это были не просто догадки, не алхимические метафоры. Это была настоящая наука. Квантовая физика, записанная языком XVIII века, но от этого не менее точная.

- Мы опередили своё время на столетия, - закончила Басси. - Но мы не могли опубликовать наши открытия. Они были слишком опасны. Церковь обвинила бы нас в ереси. Государство - в шпионаже. Поэтому мы спрятали всё здесь, в Архиве. В надежде, что однажды мир будет готов. Что однажды появишься ты.

- Мир всё ещё не готов, - сказала Алиса. - Но я сделаю всё, чтобы подготовить его.

Следующим был алхимик - хранитель сектора химии. Его звали Фридрих фон Витгенштейн. Он был грубоватым, с обожжёнными кислотами руками и вечно прищуренными глазами - привычка, выработанная годами работы с едкими веществами. Но когда он заговорил, Алиса поняла, что перед ней - гений. Он рассказал ей о том, как янтарь реагирует на различные вещества, как его можно активировать с помощью кислот и щелочей, как создавать «янтарный лак» - ту самую субстанцию, которую дед Алисы использовал для своих экспериментов.

- Твой дед был великим человеком, - сказал фон Витгенштейн. - Я знал его - не лично, конечно, а через Архив. Он консультировался со мной, когда работал над «Ретро-К». Мы обсуждали формулу катализатора. Я предупреждал его, что ретровирус опасен. Что он может выйти из-под контроля. Но он не послушал. Он верил, что ты справишься. И он оказался прав.

Фон Витгенштейн показал Алисе формулу «Чёрного Воскрешения» - способа извлечь информацию из мёртвого янтаря и загрузить её в новый носитель. Ту самую формулу, которую пытался использовать Гофман.

- Это проклятие, - сказал химик. - Не используй её без крайней необходимости. Каждое воскрешение ослабляет ткань реальности. Каждая копия души - это рана на теле леса. Но если придёт время, когда у тебя не будет другого выхода, - ты знаешь, что делать. Только помни:

воскрешённый не будет тем же человеком. Это будет тень. Отражение. Никогда не путай копию с оригиналом.

Последним на сегодня стал теолог - пастор Иоганн Шульц, близкий друг Канта. Он был невысоким, полным, с добрыми глазами и мягкой улыбкой. В отличие от других членов Совета, он не говорил о науке. Он говорил о вере. О том, что янтарь - это не просто камень, а дар Божий - или, если угодно, дар Предтеч, - который требует ответственного использования.

- Ты прошла через многое, дочь моя, - сказал он. - Ты видела смерть. Ты теряла друзей. Ты жертвовала собой. И ты, вероятно, спрашиваешь себя: зачем всё это? Есть ли в этом смысл? Я отвечу тебе: смысл есть. Не потому, что так говорит религия. А потому, что так говорит логика. Если бы смысла не было, ты бы не прошла так далеко. Если бы смысла не было, лес бы не ответил на твой зов. Если бы смысла не было, Предтечи не оставили бы инструкцию. Всё, что существует, существует с какой-то целью. И твоя цель - защитить этот мир. Не потому, что это твой долг. А потому, что это твоя любовь.

Алиса слушала его, и слёзы наворачивались на глаза. Она не плакала - она уже выплакала все слёзы над могилами друзей. Но слова Шульца затронули что-то глубоко внутри неё. Что-то, о чём она забыла за месяцы войны. О том, что она сражается не из ненависти к врагам, а из любви к тем, кого защищает.

- Спасибо, - сказала она. - Спасибо вам всем. Я не забуду того, что вы мне дали.

Шульц улыбнулся и благословил её - не крестным знамением, а простым прикосновением проекции к её лбу. Алиса почувствовала тепло - такое же, как от прикосновения янтаря.

День - или сколько времени прошло в Архиве, Алиса не знала, - подходил к концу. Она поговорила не со всеми членами Совета (некоторые секции, включая тринадцатую, ещё ждали её), но с теми, кого посетила, она успела установить глубокую связь. Эти люди, мёртвые уже двести лет, стали для неё наставниками. Они передали ей знание. И они дали ей надежду.

Она вернулась в центр читального зала и села в одно из кресел. Хазе, Басси, фон Витгенштейн и Шульц - их проекции всё ещё парили рядом, ожидая её вопросов. Алиса посмотрела на них и сказала:

- Я хочу знать, как вы умерли. Что случилось с вами после того, как вы записали свои сознания на янтарь? Почему вы не завершили миссию сами?

Хазе ответил первым. Его голос был печален.

- Мы пытались, - сказал он. - Кальп вёл нас. Мы верили, что сможем использовать Комнату во благо. Но каждый раз, когда мы вмешивались в реальность, становилось только хуже. Мы предотвратили одну войну - и вызвали другую. Спасли одного человека - и погубили десять. В конце концов, Кальп понял: мы не можем быть операторами. Мы слишком слабы. Слишком привязаны к своим желаниям. Он запер нас здесь - не в наказание, а для защиты. Чтобы мы не натворили ещё больше бед. И мы остались. Ждать. Учить. Надеяться.

- И я пришла, - сказала Алиса.

- Да, - ответил Хазе. - Ты пришла. И теперь мы можем уйти. Не как призраки - как учителя, передавшие знание ученику. Это всё, о чём мы мечтали.

Алиса кивнула. Она понимала. Их время прошло. Теперь была её очередь.

Глава 6: Первый хранитель: Математика

Алиса проснулась в одном из кресел читального зала, сама не заметив, как заснула. В Архиве не было ни дня, ни ночи - только вечный полумрак, нарушаемый синеватым свечением биолюминесцентного мха и золотым мерцанием книг. Её тело, восстановленное Кровью Предтеч, не требовало долгого сна, но после многочасовых бесед с членами Совета двенадцати даже её усиленный организм нуждался в передышке. Она проспала, по собственным ощущениям, около трёх часов - хотя, учитывая искажение времени в Архиве, на поверхности могли пройти целые сутки. Ей нужно было торопиться. Но она знала: спешка здесь неуместна. Архив требо-

вал уважения. Знание, которое она получала, нельзя было проглотить второпях, как фастфуд. Его нужно было смаковать, как изысканное блюдо. Переваривать. Осмыслять.

Она потянулась, разминая затёкшие мышцы, и оглядела читальный зал. Проекция Хазе, Басси, фон Витгенштейна и Шульца исчезли - они вернулись в свои книги, ожидая следующего вызова. Но их слова всё ещё звучали в её голове. Двенадцать дисциплин. Двенадцать ключей. Гиперкуб, который откроет тринадцатую секцию. Ей предстояло собрать их все. И начать она решила с того, что было ей ближе всего как учёному. С математики.

Она встала и подошла к стеллажу, помеченному символом стилизованной сферы, вписанной в тетраэдр. Здесь, среди янтарных пластин, хранились труды по математике - от античных геометров до современных (для XVIII века) исчислений. Но книга, которую она искала, лежала отдельно, на небольшом постаменте в центре секции. Она была больше остальных, тяжелее, и её обложка была украшена гравировкой: мост. Семь мостов, соединяющих берега реки и острова. Задача о кёнигсбергских мостах. Та самая, которую решил Леонард Эйлер, заложив основы теории графов.

Алиса знала эту историю. Эйлер, великий математик XVIII века, несколько лет работал в Кёнигсберге, преподавал в университете Альбертина, гулял по тем же улицам, по которым она ходила сейчас. Он доказал, что нельзя пройти по всем семи мостам города, не пересекая ни один из них дважды. Но Архив хранил другую версию этой задачи. Версию, которую Эйлер разработал специально для Круга Альбертины. Версию, связанную не с мостами через Преголю, а с вероятностными ветвями реальности.

Она коснулась книги. Та была тёплой - теплее, чем остальные, - и от неё исходило слабое гудение, похожее на звук далёкого органа. Алиса открыла её. И мир снова изменился.

Из книги поднялась проекция. Но она отличалась от тех, что Алиса видела раньше. Хазе, Басси и остальные выглядели как живые люди - их голограммы были цветными, детализированными, почти реальными. Проекция Эйлера была иной. Она была чёрно-белой, слегка размытой, как старая фотография. Её контуры мерцали, словно проектор, создававший её, работал с перебоями. Но лицо - лицо было чётким. Сухое, с высоким лбом, пронизательными глазами и плотно сжатыми губами. Эйлер смотрел на Алису с выражением, которое она не могла точно определить: смесь любопытства, скепсиса и, возможно, лёгкого разочарования. Словно он ожидал кого-то другого.

- Значит, ты - новый оператор, - произнёс он. Его голос звучал глухо, с лёгким эхом, словно доносился из глубины колодца. - Я ждал тебя. Хотя, признаться, не был уверен, что ты дойдёшь. Многие пытались. Многие провалились. Твой дед, Виктор Штерн, почти справился. Но ему не хватило... чего-то. - Он сделал паузу. - Возможно, любви. Той самой, о которой говорил Шульц. У твоего деда было много достоинств, но любовь... он слишком долго жил в одиночестве. Слишком долго скрывал свои чувства. Это ослабило его. Ты - другое дело. Ты любила. Ты теряла. Ты продолжала любить. Это делает тебя сильнее. Но достаточно ли ты сильна, чтобы решить мою задачу?

- Я готова попробовать, - ответила Алиса. - Расскажите мне о задаче.

Эйлер кивнул. Он взмахнул рукой, и вокруг них возникла проекция - на этот раз не чёрно-белая, а цветная, яркая, детализированная. Кёнигсберг. Но не тот, который знала Алиса, - не разрушенный войной и не современный. Это был Кёнигсберг XVIII века, с барочными фасадами, мощёными улицами, парусниками на Преголе. И семь мостов - те самые, которые Эйлер обессмертил в своей задаче.

- Классическая задача о мостах тебе известна, - начал Эйлер. - Я доказал, что невозможно пройти по всем семи мостам, не пересекая ни один дважды. Но это решение - лишь вершина айсберга. Настоящая задача, которую я поставил перед Кругом, гораздо сложнее. Представь, что каждый мост - это не просто переправа через реку. Это вероятностная ветвь. Переход из одной реальности в другую. Ты стоишь на одном берегу - в своей базовой реальности. Ты

хочешь попасть на другой берег - в реальность, где лес исцелён, где Комната стабильна, где твои друзья живы. Но каждый раз, когда ты переходишь мост - когда ты вмешиваешься в вероятности, - ты создаёшь новую ветвь. Ты не можешь пройти по всем ветвям, не повторив ни одну. Ты должна выбрать. И этот выбор определит всё.

Алиса смотрела на проекцию и понимала: это не просто математическая задача. Это метафора её собственного пути. Каждый раз, когда она использовала Комнату, она создавала новую ветвь реальности. Каждый раз, когда она предотвращала катастрофу, она порождала другую. Она не могла спасти всех. Она должна была выбрать. И этот выбор был мучительным.

- Что я должна сделать? - спросила она. - Решить задачу? Найти путь, который не повторяется?

- Нет, - ответил Эйлер. - Задача неразрешима в классическом смысле. Ты не можешь пройти по всем ветвям, не повторив ни одну. Но ты можешь выбрать одну ветвь и пожертвовать остальными. Или ты можешь сделать нечто иное. Нечто, что не предусмотрено условиями задачи. Нечто, что требует не математического ума, а... мудрости.

- Чего именно?

Эйлер посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Затем сказал:

- Ты можешь отказаться от выбора. Не проходить по мостам. Не вмешиваться в реальность. Позволить всему идти своим чередом. Это не решение. Это капитуляция. Но иногда капитуляция - единственный способ победить. Кальп понял это слишком поздно. Гофман не понял никогда. А ты?

Алиса долго молчала, обдумывая слова Эйлера. Она вспоминала всё, что пережила за последние месяцы. Битвы. Потери. Победы. Каждый раз, когда она вмешивалась в реальность, она создавала рябь. Каждый раз, когда она предотвращала катастрофу, она порождала новую. Она устала. Устала от бесконечной борьбы. Устала от того, что каждое её действие имеет непредвиденные последствия. И теперь Эйлер предлагал ей третий путь. Не победу. Не поражение. Отказ от выбора. Но была ли это капитуляция - или мудрость?

- Я понимаю, о чём вы говорите, - сказала она наконец. - Вы хотите, чтобы я перестала вмешиваться. Перестала использовать Комнату для изменения реальности. Позволила событиям идти своим чередом. Но я не могу этого сделать. Потому что, если я перестану, кто-то другой начнёт. Барон. Гофман - или его копии. Те, кто хочет использовать Комнату для власти. Они не остановятся. И если я откажусь от выбора, они сделают его за меня. Их выбор будет разрушительным. Поэтому я не могу отказаться. Я должна идти вперёд. Но я могу изменить свой подход. Не вмешиваться в каждую катастрофу. Не пытаться спасти всех. Сосредоточиться на главном: на защите реальности в целом. На исцелении леса. На активации узлов. А мелкие события... я должна позволить им идти своим чередом. Даже если это означает, что кто-то погибнет. Даже если это означает, что я могла бы их спасти, но не стала. Потому что цена спасения слишком высока. Потому что каждая спасённая жизнь создаёт новую ветвь, которая угрожает всей реальности. Это жестокий выбор. Но это - единственно правильный выбор.

Эйлер долго смотрел на неё. Его лицо, казалось, смягчилось. Разочарование, которое она видела в его глазах в начале разговора, исчезло, уступив место чему-то другому. Уважению.

- Ты ответила правильно, - сказал он. - Не потому, что твой ответ совпал с тем, что я хотел услышать. А потому, что ты ответила честно. Ты признала свою ограниченность. Ты признала, что не можешь спасти всех. И ты готова пожертвовать частью, чтобы сохранить целое. Это - мудрость. Не та, что даётся математическими формулами. Та, что даётся болью и потерями. Ты прошла через ад и не сломалась. Ты достойна.

Он протянул руку - свою полупрозрачную, мерцающую руку, - и на его ладони возник предмет. Маленький, светящийся, размером с грецкий орех. Тетраэдр. Янтарный тетраэдр, внутри которого пульсировала крошечная золотая точка.

- Это первый ключ, - произнёс Эйлер. - Одна из вершин гиперкуба. Когда ты соберёшь все двенадцать, ты сможешь открыть тринадцатую секцию. Там хранится знание, которое ты ищешь. Там хранится ответ на вопрос, как остановить квантовый шторм навсегда. Не временно - навсегда. И там хранится последнее послание Кальпа. То, которое он адресовал лично тебе.

Алиса взяла тетраэдр. Он был тёплым, почти горячим, и от него исходило знакомое гудение - такое же, как от «Мозга», как от чёрного янтаря, как от импланта в её затылке. Он пульсировал в такт её сердцу, и она чувствовала, как между ними устанавливается связь. Не такая сильная, как с «Мозгом», но достаточно ощутимая.

- Спасибо, - сказала она. - Я найду остальные ключи. И я завершу начатое.

Эйлер кивнул. Его проекция начала меркнуть, таять, растворяться в воздухе.

- Помни, - произнёс он, и его голос становился всё тише, - каждый ключ несёт в себе часть сознания хранителя. Собрав все двенадцать, тыпустишь в свой разум двенадцать мёртвых гениев. Это может растворить твою личность. Многие не выдерживали. Но ты... ты справишься. Ты сильнее, чем думаешь. Прощай, оператор. Мы ещё встретимся - в тринадцатой секции. Там, где кончается математика и начинается... вечность.

Проекция исчезла. Алиса осталась одна в секторе математики, сжимая в ладони янтарный тетраэдр. Она знала, что это только начало. Впереди было ещё одиннадцать хранителей. Одиннадцать ключей. Одиннадцать испытаний. Но она была готова. Потому что она знала: каждый шаг приближает её к цели. К исцелению леса. К стабилизации реальности. К покою - тому самому, о котором говорили призраки Альбертины. И она не остановится, пока не пройдёт весь путь.

После того как проекция Эйлера исчезла, Алиса ещё долго сидела в кресле сектора математики, сжимая в ладони янтарный тетраэдр. Она думала о том, что сказал Эйлер. О задаче, которую он перед ней поставил. О выборе, который ей предстояло сделать. Она думала о своём ответе - о том, что она не может спасти всех, но может сосредоточиться на главном. Это звучало разумно. Это звучало правильно. Но в глубине души она знала, как трудно будет следовать этому принципу. Каждый раз, когда она видела невинных людей, страдающих от действий Барона или от последствий квантового шторма, её сердце разрывалось. Она хотела помочь. Она могла помочь - с помощью Комнаты. Но цена этой помощи была слишком высока. Каждая спасённая жизнь создавала новую ветвь реальности, которая угрожала всей мультивселенной. Это был парадокс, который мучил её с самого начала. И теперь Эйлер подтвердил: единственный выход - принять этот парадокс. Не пытаться разрешить его. Жить с ним.

Она вспомнила Игоря. Вспомнила, как он погиб, прикрывая её. Если бы она могла вернуться назад и спасти его - она бы сделала это? Да, не колеблясь. Но если бы это создало новую ветвь, в которой погиб бы кто-то другой? А если бы эта ветвь ускорила квантовый шторм? А если бы из-за этого погибли миллионы? Где проходила граница? Эйлер не дал ей ответа. Он только показал, что задача неразрешима в принципе. Что любой выбор - это потеря. И единственное, что остаётся, - это выбирать наименьшее зло. Или не выбирать вовсе. Но не выбирать - тоже выбор. И он тоже имеет последствия.

Алиса вздохнула и спрятала тетраэдр в карман. Она не могла решить все философские проблемы разом. Она должна была идти дальше. Собрать остальные ключи. Открыть тринадцатую секцию. И только тогда, возможно, она найдёт ответ. Или поймёт, что ответа не существует. В любом случае, она не остановится.

Прежде чем покинуть сектор математики, Алиса решила изучить другие книги, хранившиеся на стеллажах. Ей хотелось больше узнать об Эйлере и его связи с Кругом Альбертины. Она знала официальную биографию великого математика: родился в Швейцарии, работал в России и Пруссии, потерял зрение, но продолжал работать до самой смерти. Но Архив хранил то, о чём не писали в учебниках.

Она взяла одну из книг - тонкую, в потёртом переплёте, с надписью «Дневник Л. Эйлера. Кёнигсбергский период. 1741–1766». Открыла её. Это была не проекция, как предыдущие, - это был просто текст, записанный на янтарных пластинах. Но когда Алиса читала его, перед её глазами возникали образы - не такие яркие, как голограммы, но достаточно отчётливые. Она видела Кёнигсберг XVIII века глазами Эйлера. Видела, как он гуляет по улицам, обдумывая свои теоремы. Видела, как он встречается с членами Круга - тогда ещё подпольного, тайного. Видела, как он впервые прикасается к чёрному янтарию и испытывает шок от осознания его свойств.

Из дневника следовало, что Эйлер присоединился к Кругу не сразу. Сначала он был скептиком. Он не верил в мистику, в алхимию, в «живой янтарь». Но его друг, Иоганн Шульц, убедил его провести эксперимент. Эйлер прикоснулся к активированному образцу чёрного янтара - и увидел будущее. Не вероятности - точное, определённое будущее. Он увидел свою смерть. Увидел, как его хоронят в Санкт-Петербурге, как его дети плачут над его могилой. И он увидел дату. 18 сентября 1783 года. За сорок лет до того, как это произошло.

Этот опыт изменил его. Он понял, что янтарь - это не просто минерал. Это ключ к пониманию самой реальности. И он посвятил оставшуюся жизнь тому, чтобы математически описать его свойства. Он разработал «янтарную алгебру» - систему уравнений, которая легла в основу всей последующей работы Круга. Он обучил Хазе, Басси и других. И он же предупредил их: математика может описать Комнату, но не может контролировать её. Потому что Комната - это не машина. Это жизнь. А жизнь не подчиняется формулам.

В дневнике Эйлера Алиса нашла полный текст «задачи о вероятностных мостах» - той самой, которую он упомянул в разговоре. Она была записана на языке Предтеч, но Алиса, благодаря импланту, читала её без труда. Задача была сформулирована следующим образом:

«Дано: мультивселенная, состоящая из бесконечного числа параллельных реальностей. Каждая реальность представляет собой вершину графа. Переход между реальностями (вмешательство оператора) представляет собой ребро графа. Оператор начинает движение из вершины А (базовая реальность) и должен достичь вершины В (целевая реальность), пройдя по рёбрам графа. При этом каждое пройденное ребро создаёт новую вершину (новую ветвь), которая немедленно соединяется рёбрами со всеми существующими вершинами. Вопрос: может ли оператор достичь вершины В, не создав бесконечного числа новых вершин? Если нет - каково минимальное число новых вершин, необходимое для достижения цели?»

Далее шли страницы математических выкладок, которые Алиса, при всём её образовании, понимала с трудом. Эйлер использовал теорию графов, комбинаторику и какие-то разделы математики, которые ещё не были известны в XVIII веке - возможно, он разработал их специально для этой задачи. Вывод был неутешителен: минимальное число новых вершин (то есть новых реальностей, создаваемых вмешательством) всегда больше нуля. Невозможно изменить реальность, не создав побочных ветвей. Но можно минимизировать их число. И Эйлер нашёл способ: он предложил «стратегию наименьшего вмешательства». Вместо того чтобы менять крупные события, оператор должен менять мельчайшие - те, которые почти не влияют на общий ход истории, но в совокупности создают нужный эффект. Это было похоже на «Фатум-инжиниринг», но гораздо более тонкий, более щадящий.

Алиса запомнила эту стратегию. Она знала, что не будет использовать её прямо сейчас - у неё была другая задача, более срочная, - но когда-нибудь, возможно, она пригодится.

Алиса закрыла дневник Эйлера и вернула его на полку. Она провела в секторе математики несколько часов, и, хотя её тело, усиленное Кровью Предтеч, не чувствовало голода, она ощущала умственное истощение. Слишком много информации. Слишком много откровений. Ей нужно было время, чтобы всё это переварить.

Она в последний раз оглядела сектор. Стеллажи с книгами. Постамент с задачей о мостах. И тетрадь в её кармане, пульсирующий теплом. Первый ключ был у неё. Оставалось ещё один-

надцать. Она знала, что следующие хранители будут не менее требовательны, чем Эйлер. Они зададут ей свои вопросы. Проверят её на прочность. И если она справится, она получит доступ к тринадцатой секции - туда, где хранилось последнее послание Кальпа и, возможно, ответ на главный вопрос: как остановить квантовый шторм навсегда.

Она вышла из сектора математики и направилась обратно в читальный зал. Архивариус ждал её.

- Ты получила первый ключ, - произнёс он. - Поздравляю. Эйлер редко отдаёт его. Ты, должно быть, произвела на него впечатление.

- Он спросил меня о выборе, - ответила Алиса. - О том, готова ли я отказаться от спасения всех ради сохранения целого. Я ответила честно. Видимо, это было то, что он хотел услышать.

- Эйлер ценит честность, - сказал Архивариус. - И мудрость. Ты показала и то, и другое. Но впереди ещё долгий путь. Кто следующий?

- Физика, - ответила Алиса. - Я хочу поговорить с Лаурой Басси. В прошлый раз я видела её мельком. Теперь я хочу узнать больше. И получить её ключ.

- Тогда иди, - произнёс Архивариус. - Она ждёт тебя.

Глава 7: Хранители: Физика и Химия

Алиса вышла из сектора математики, сжимая в кармане янтарный тетраэдр. Он пульсировал теплом в такт её сердцу, и она чувствовала, как между ней и этим маленьким предметом устанавливается связь - не такая сильная, как с «Мозгом», но достаточно ощутимая. Эйлер предупредил её: каждый ключ несёт в себе часть сознания хранителя. Собрав все двенадцать, она впустит в свой разум двенадцать мёртвых гениев, и это может растворить её личность. Но пока что, с одним ключом, она не ощущала никакого дискомфорта. Только тепло. Только лёгкое покалывание в кончиках пальцев, когда она прикасалась к тетраэдру. И ещё - странное чувство, будто кто-то наблюдает за ней. Не враждебно. Скорее, оценивающе. Словно Эйлер, даже после того, как его проекция исчезла, продолжал следить за ней через свой ключ. Алиса надеялась, что это не паранойя.

Она прошла через читальный зал, мимо стола с двенадцатью креслами, и направилась к сектору физики. Он находился в южной части ротонды, и его арка была украшена барельефами, изображавшими оптические эксперименты: призмы, преломляющие свет, линзы, фокусирующие лучи, глаза, смотрящие в телескопы. Над аркой была выгравирована надпись на латыни: «Lux est information. Information est lux». «Свет - это информация. Информация - это свет». Алиса вспомнила, что именно эти слова произнесла Лаура Басси во время их первой краткой встречи. Теперь ей предстояло узнать, что скрывается за ними.

Она вошла в сектор. Он был меньше математического, но гораздо более... живым. Вдоль стен стояли не только стеллажи с книгами, но и настоящие оптические приборы: старинные телескопы, микроскопы, спектроскопы, собранные из латуни и стекла. Некоторые из них слабо светились - видимо, были подключены к янтарной сети. В центре сектора, на небольшом возвышении, стоял маятник Фуко - точнее, его янтарная копия, которая медленно вращалась, отсчитывая не время, а что-то иное. Алиса присмотрелась и поняла: маятник показывал вероятностные флуктуации. Его плоскость вращения менялась в зависимости от того, насколько стабильна была реальность в данный момент. Сейчас она вращалась медленно и плавно - значит, после активации «Сердца» квантовый шторм действительно отступил. Это было хорошим знаком.

Книга Лауры Басси лежала на отдельном постаменте, рядом с маятником. Она была небольшой, изящной, в переплёте из тёмно-зелёного янтаря - такой оттенок Алиса видела впервые. На обложке была выгравирована женщина, держащая в руке светящийся шар. Алиса коснулась книги, и из неё поднялась проекция.

Лаура Басси выглядела так же, как при первой встрече: невысокая, хрупкая, с живыми, горящими глазами. Но теперь её проекция была более детализированной. Алиса заметила мор-

щинки вокруг глаз - следы многих бессонных ночей, проведённых за экспериментами. Заметила тонкие пальцы с чернильными пятнами. Заметила брошь в виде солнца, приколотую к воротнику платья. Всё это делало её не просто голограммой, а почти живым человеком.

- Ты вернулась, - произнесла Басси с лёгким итальянским акцентом, который придавал её речи музыкальность. - Я знала, что ты вернёшься. Эйлер сказал мне. - Она улыбнулась. - Он редко хвалит, но о тебе он отозвался... тепло. Сказал, что ты ответила честно. Что ты понимаешь цену вмешательства. Что ты готова жертвовать. Это хорошо. Потому что мой вопрос будет не легче его.

- Я готова, - ответила Алиса. - Задавайте.

Басси кивнула. Она подошла к одному из оптических приборов - старинному спектро스코пу с линзами из чёрного янтаря, - и направила его луч на стену. На стене возник спектр - не привычная радуга, а сложный узор из линий и пятен, напоминающий одновременно интерференционную картину и звёздное небо.

- Свет, - произнесла Басси. - Что это такое? Частица? Волна? Или нечто третье? Мы, физики, спорили об этом столетиями. Ньютон считал, что свет состоит из корпускул. Гюйгенс - что это волна. Эйнштейн, который родится через полтора века после меня, покажет, что свет - это и то, и другое. Но что, если ответ ещё сложнее? Что, если свет - это информация? Не носитель информации - сама информация. Чистый смысл, облечённый в форму электромагнитного излучения. Янтарь учит нас этому. Когда свет проходит через янтарь, он поляризуется. Но эта поляризация не случайна. Она несёт в себе запись. Память. Душу леса. Свет, проходящий через янтарь, становится не просто светом. Он становится посланием. Так что же такое свет, оператор? Частица? Волна? Или мысль?

Алиса задумалась. Она вспомнила всё, что знала о физике. Вспомнила лекции в Стэнфорде, где профессора объясняли корпускулярно-волновой дуализм. Вспомнила свои эксперименты с Пси-призмой, когда она видела, как поляризованный свет взаимодействует с чёрным янтарём, извлекая из него образы. Вспомнила слова Кальпа: «Янтарь - это не камень. Это застывшая информация». И она поняла, что вопрос Басси - не о физике. Он о сути реальности.

- Я думаю, - медленно произнесла она, - что свет - это всё перечисленное. И частица, и волна, и информация. Но в разной степени, в зависимости от того, как мы на него смотрим. Для физика, измеряющего его свойства, свет - это фотоны и электромагнитные волны. Для поэта, восхищающегося закатом, - красота. Для леса, записавшего свою память в янтаре, - носитель души. Свет - это мост. Мост между материей и смыслом. Между физикой и метафизикой. Между наукой и... любовью. Да, любовью. Потому что свет - это то, что делает мир видимым. Без света мы не могли бы видеть друг друга. Не могли бы видеть лес. Не могли бы видеть истину. Свет - это дар. И, как любой дар, он несёт в себе ответственность.

Басси долго молчала. Её проекция замерла, и Алиса на мгновение испугалась, что сказала что-то не то. Но затем физик улыбнулась - широко, открыто, почти сияя.

- Ты понимаешь, - произнесла она. - Ты действительно понимаешь. Не просто заучила формулы - прочувствовала. Это редкий дар. Эйлер был прав: ты достойна. - Она протянула руку, и на её ладони возник предмет. Маленькая янтарная сфера, внутри которой мерцала миниатюрная гроза - крошечные молнии, сверкающие в такт биению сердца Алисы. - Это второй ключ. Физический. Он представляет энергию - ту, что течёт через свет, через янтарь, через саму реальность. Храни его. И помни: свет - это не только то, что ты видишь. Это то, чем ты стала.

Алиса взяла сферу. Она была тёплой, как и тетраэдр, но её тепло было другим - не статичным, а пульсирующим, словно внутри неё действительно бушевала гроза. Она положила сферу в карман, рядом с тетраэдром, и почувствовала, как два ключа начинают резонировать друг с другом. Их пульсации совпали, и на мгновение ей показалось, что она слышит тихую музыку - ту самую, о которой говорил Мюллер, музыку сфер.

- Спасибо, - сказала Алиса. - Я сохраню его. И я продолжу.

Басси кивнула. Её проекция начала таять, но прежде, чем исчезнуть, она произнесла последние слова:

- Когда соберёшь все ключи, ты увидишь то, что видела я. Ты увидишь свет. Не тот, что освещает комнату. Тот, что освещает душу. Береги его.

Часть 3. Вторжение в память

После того как проекция Басси исчезла, Алиса ещё некоторое время стояла в секторе физики, осмысливая произошедшее. Она получила второй ключ. Два из двенадцати. Казалось бы, прогресс есть, но впереди ещё десять хранителей, и каждый будет задавать свои вопросы. Она уже заметила закономерность: вопросы не были случайными. Эйлер спрашивал о выборе. Басси - о природе света. Оба вопроса касались не только науки, но и её личного опыта. Её пути. Её потерь. Её решений. Хранители не просто проверяли её знания. Они сканировали её душу. Они хотели понять, кто она такая на самом деле.

И они это делали - она теперь отчётливо ощущала. Когда Басси говорила о свете, Алиса вдруг вспомнила свою мать. Не ту иллюзию, которую показывал ей «Мозг» во время симуляции, а настоящую. Женщину, которая запретила ей общаться с дедом, которая увезла её в Америку, которая умерла, когда Алисе было семнадцать. Она вспомнила её лицо, её голос, её запах - смесь лаванды и табака. Она не думала о матери уже много месяцев. Слишком была занята выживанием. Но Басси каким-то образом извлекла это воспоминание. И не только извлекла - показала ей, как свет, проходя через янтарь, может воскресить прошлое. Может сделать мёртвых живыми - хотя бы на мгновение. Это было больно. Но это было и целительно. Словно старая рана, которую наконец-то промыли и зашили.

Алиса поняла: это и есть испытание. Не просто ответить на вопросы. Не просто решить задачу. Позволить хранителям войти в свою память. Позволить им увидеть её слабости. Её страхи. Её потери. И не сломаться под этим взглядом. Принять себя. И идти дальше.

Следующим был сектор химии. Он находился в восточной части ротонды, и его арка была украшена барельефами с изображением алхимических символов: драконов, пожирающих собственный хвост, реторт, извергающих пламя, философского камня, сияющего в центре. Над аркой была выгравирована надпись на латыни: «Solve et coagula». «Растворяй и сгущай» - древний алхимический принцип. Алиса знала, что за этой аркой её ждёт фон Витгенштейн - грубоватый химик с обожжёнными руками и острым умом.

Она вошла. Сектор химии напоминал лабораторию алхимика, перенесённую из XVIII века в подземелье. На столах стояли реторты, тигли, перегонные кубы. Вдоль стен - полки с банками, заполненными разноцветными жидкостями и порошками. Некоторые из них светились, и Алиса чувствовала, как от них исходит энергия - та же энергия, что и от янтаря, но преобразованная, активированная. В центре сектора, на массивном каменном столе, лежала книга в переплёте из обожжённой кожи. На её обложке была выгравирована змея, кусающая собственный хвост, - уроборос. Символ вечности. Символ цикличности. Символ «Чёрного Воскрешения».

Алиса коснулась книги. Из неё поднялась проекция. Фридрих фон Витгенштейн выглядел так же, как при первой встрече: грубоватый, с обожжёнными руками и прищуренными глазами. Но теперь Алиса заметила то, чего не видела раньше. В его глазах была боль. Глубокая, застарелая боль, которую он прятал за грубостью и сарказмом. Боль человека, который знает, что его открытия принесли больше вреда, чем пользы. Который создал формулу «Чёрного Воскрешения» и теперь проклинает себя за это.

- Ты пришла, - произнёс он. - Я думал, ты не придёшь. Думал, после того, что я рассказал о «Чёрном Воскрешении», ты решишь держаться от меня подальше. Но ты здесь. Значит, ты либо храбрая, либо глупая. Либо и то, и другое. - Он хмыкнул. - Ладно. Задавай свой вопрос.

Я знаю, зачем ты здесь. Тебе нужен мой ключ. Но сначала - мой вопрос. Отвечай честно, или я не отдам его.

- Я готова, - сказала Алиса.

Фон Витгенштейн подошёл к одному из столов и взял в руки две склянки. В одной была прозрачная жидкость, в другой - золотистая.

- Вот, - сказал он. - Aqua regia. Царская водка. Смесь азотной и соляной кислот. Единственное вещество, способное растворить золото. Алхимики веками искали способ превратить неблагородные металлы в золото. А я нашёл способ растворить его. - Он поставил склянки и повернулся к Алисе. - Вопрос мой таков: что растворяет золото? Не в химическом смысле - в философском. Золото - символ совершенства. Символ божественного. Символ власти. Что может разрушить совершенство? Что может убить бога? Что может свергнуть власть?

Алиса задумалась. Она понимала, что фон Витгенштейн, как и Эйлер, и Басси, говорит не о химии. Он говорит о ней. О её пути. О её врагах. Гофман стремился к совершенству - к «Ноеву ковчегу», к реальности без изъянов. Он считал себя богом. Он обладал властью. Но что разрушило его? Не она. Не её Пси-призма. Не её имплант. Его разрушила его собственная гордыня. Его неспособность любить. Его презрение к тем, кого он считал «недостойными». Золото нельзя растворить силой. Только временем. Только правдой. Только любовью.

- Золото растворяет правда, - ответила она. - Не царская водка. Не кислота. Правда. Потому что золото - это иллюзия. Оно кажется совершенным, но на самом деле оно мягкое, податливое, уязвимое. Его можно расплавить, можно раздробить, можно стереть в пыль. Но по-настоящему его уничтожает только правда. Правда о том, что совершенства не существует. Что власть - это мираж. Что боги, которых мы создаём, - всего лишь отражение наших страхов и желаний. Гофман думал, что он - золото. Что он неподвластен времени. Но он был всего лишь человеком. И правда разрушила его.

Фон Витгенштейн долго смотрел на неё. Затем кивнул.

- Ты поняла, - сказал он. - Не просто повторила мои слова - осмыслила их. Это хорошо. - Он протянул руку, и на его ладони возник предмет. Октаэдр. Янтарный октаэдр, внутри которого пульсировало тёмное пламя - не огонь, а скорее тень огня, чёрное на чёрном. - Это третий ключ. Химический. Он представляет трансформацию. Способность превращать одно в другое. Используй его мудро. И помни: «Чёрное Воскрешение» - это не дар. Это проклятие. Я создал его, чтобы спасти тех, кого любил. Но оно не спасло никого. Оно только создало тени. Не повторяй мою ошибку.

Алиса взяла октаэдр. Он был холодным - в отличие от тетраэдра и сферы, которые были тёплыми. Его холод пронизывал до костей, и она почувствовала, как внутри него что-то шевелится. Тень. Фрагмент сознания самого фон Витгенштейна - или, возможно, тех, кого он пытался воскресить. Она спрятала октаэдр в карман, к остальным ключам, и три фигуры - тетраэдр, сфера и октаэдр - начали резонировать друг с другом, создавая сложный, многоголосый аккорд.

Когда проекция фон Витгенштейна начала таять, Алиса почувствовала, как её захлёстывают воспоминания. На этот раз - не о матери. О деде. О Викторе Штерне, который лежал в гробу, когда она приехала в Калининград. О его лице - спокойном, умиротворённом, но таком чужом. О том, как она стояла над его могилой и не могла плакать, потому что не знала его по-настоящему. Потому что мать запретила им общаться. Потому что она потратила годы на обиду, вместо того чтобы попытаться понять.

Фон Витгенштейн, сам того не желая, показал ей эту сцену. Не как иллюзию - как воспоминание. И вместе с воспоминанием пришла боль. Не та, что она испытывала раньше, - приглушённая, задавленная необходимостью действовать. Настоящая, острая, как скальпель, боль. Она поняла: хранители не просто задают вопросы. Они исцеляют. Они вскрывают старые раны, промывают их и дают им зажить правильно. Это было мучительно. Но это было необ-

ходимо. Потому что нельзя идти вперёд с незалеченными ранами. Они будут гноиться. Они будут отравлять душу. И однажды они убьют тебя - не физически, но духовно.

Алиса позволила себе плакать. Она сидела на полу сектора химии, сжимая в руках три ключа, и слёзы текли по её щекам. Она плакала о деде. О матери. Об Игоре, Кирилле, Павле. Обо всех, кого потеряла. И когда слёзы иссякли, она почувствовала странную лёгкость. Словно тяжёлый камень, который она носила в груди, наконец-то исчез. Она была готова идти дальше.

Она поднялась и вышла из сектора химии. В кармане у неё теперь лежали три ключа: тетраэдр, сфера и октаэдр. Три из двенадцати. Впереди было ещё девять хранителей, и она знала, что каждый из них задаст ей вопрос. Каждый заставит её вспомнить что-то, что она хотела бы забыть. Но она была готова. Потому что она знала: это не пытка. Это исцеление. Архив не просто хранил знания. Он лечил души. И она была пациентом, который добровольно лёг на операционный стол.

В читальном зале её ждал Архивариус. Он, казалось, знал, что она плакала, но ничего не сказал. Только кивнул, и в его многоликом лице мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

- Ты получила два ключа, - произнёс он. - Физика и химия. Осталось девять. Но не торопись. Отдохни. Восстанови силы. То, что ты пережила, - это только начало. Дальше будет труднее. Ты готова?

- Готова, - ответила Алиса. - Кто следующий?

- Биология, - ответил Архивариус. - Хранительница - Хелена фон Бюлов. Она врач. Она будет говорить с тобой о жизни и смерти. О теле и душе. О том, что значит быть человеком - или перестать им быть. Ты готова к такому разговору?

Алиса вспомнила, как менялось её тело под воздействием Крови Предтеч. Как шрам-лабиринт покрывал кожу. Как её сознание расширялось, вбирая в себя память леса. Она уже не была человеком - по крайней мере, не в обычном смысле. Но была ли она готова принять это? Понять, чем она стала? И чем ей ещё предстояло стать?

- Готова, - сказала она. - Веди.

Прежде чем отправиться к следующему хранителю, Алиса решила задать Архивариусу вопрос, который мучил её с того момента, как она получила первый ключ.

- Вы сказали, что каждый ключ несёт в себе часть сознания хранителя, - произнесла она. - Что, собрав все двенадцать, я введу в свой разум двенадцать мёртвых гениев. Но что это значит на практике? Я уже чувствую, как ключи резонируют друг с другом. Как они... общаются. Это не просто предметы. Это живые существа. Что со мной будет, когда я соберу их все?

Архивариус долго молчал, прежде чем ответить. Его лицо, как всегда, менялось, но Алисе показалось, что в нём проступило выражение глубокой задумчивости.

- Ключи - это не просто ключи, - произнёс он наконец. - Это якоря. Каждый из них привязывает сознание хранителя к этому миру. Пока ключ существует, хранитель не может уйти. Не может раствориться в сети. Не может обрести покой. Они заперты здесь - точно так же, как призраки Альбертины были заперты до того, как ты активировала «Сердце». Но в отличие от призраков, они заперты добровольно. Они хотели остаться, чтобы передать знание. Чтобы помочь тому, кто придёт после них. Тебе.

- Значит, когда я соберу все ключи, они освободятся?

- Да, - ответил Архивариус. - Когда гиперкуб будет собран, все двенадцать хранителей смогут уйти. Их миссия будет завершена. Они передали знание. Они выполнили свой долг. И они обретут покой - тот самый, который ты дала призракам. Но перед этим их сознания на короткое время сольются с твоим. Ты увидишь то, что видели они. Почувствуешь то, что чувствовали они. Станешь ими - на мгновение. Это будет самое трудное испытание. Труднее, чем три вопроса. Труднее, чем тепловая смерть Вселенной. Потому что ты будешь не одна в

своём разуме. Ты будешь двенадцатью разными людьми одновременно. Если твоя личность не выдержит - ты сломаешься. Станешь такой же, как они. Призраком.

- Но, если выдержи?

- Тогда ты получишь доступ к тринадцатой секции. И ты узнаешь то, что не знал никто, кроме Кальпа. Истину о Комнате. О Предтечах. О лесе. И о том, как завершить миссию.

Алиса кивнула. Она понимала риск. Но она была готова. Потому что знала: без этого знания она не сможет исцелить лес. Не сможет остановить квантовый шторм. Не сможет защитить тех, кого любит. А это было для неё важнее собственной личности.

Алиса вышла из читального зала и направилась в сектор биологии. Он находился в северной части ротонды, и его арка была украшена барельефами с изображением человеческого тела - не анатомическими схемами, а скорее аллегориями: сердце, окружённое лучами, глаз, смотрящий в бесконечность, рука, касающаяся ростка. Над аркой была надпись: «Corpus est templum. Mens est deus». «Тело - это храм. Разум - это бог».

Алиса вошла. Сектор биологии напоминал одновременно лабораторию и лазарет. На столах стояли микроскопы, чашки Петри с какими-то культурами, пробирки. Вдоль стен - шкафы с медицинскими инструментами, некоторые из которых выглядели пугающе современно, словно их создали не в XVIII веке, а вчера. В центре сектора, на кушетке, застеленной белой простыней, лежала книга в переплёте из бледно-розового янтаря. На её обложке была выгравирована змея, обвивающая чашу, - древний символ медицины.

Алиса коснулась книги. Из неё поднялась проекция. Хелена фон Бюлов выглядела именно так, как и ожидалось от врача: строгая, собранная, с острым, оценивающим взглядом. Её руки, в отличие от рук фон Витгенштейна, были безупречно чистыми, с аккуратно подстриженными ногтями. Она была одета в белый халат - анахронизм для XVIII века, но Архив, видимо, позволял себе вольности в одежде проекций. На шее у неё висел кулон - маленький янтарный шарик, внутри которого пульсировала искра.

- Так вот ты какая, - произнесла она. - Оператор, изменившая своё тело. Я видела твои анализы. Архивариус передал их мне. Кровь Предтеч, текущая в твоих жилах. Имплант в затылке. Шрам-лабиринт, покрывающий кожу. Ты - чудо биологии. Но ты также - ходячая катастрофа. Твоё тело не рассчитано на такие нагрузки. Оно разрушается. Медленно, но, верно. Ты это знаешь?

- Знаю, - ответила Алиса. - Но у меня нет выбора. Я должна продолжать.

- Выбор есть всегда, - возразила фон Бюлов. - Можно продолжать - и умереть через несколько лет от истощения. Можно остановиться - и прожить долгую, но бесцельную жизнь. Можно найти баланс - научиться контролировать свою трансформацию, а не позволять ей контролировать тебя. Что ты выбираешь?

Алиса задумалась. Она не привыкла думать о своём теле. Она привыкла использовать его как инструмент. Но фон Бюлов была права: долго так продолжаться не могло. Нужно было найти баланс. Иначе она не доживёт до завершения миссии.

- Я выбираю баланс, - ответила она. - Научите меня.

Фон Бюлов улыбнулась. Её строгое лицо на мгновение смягчилось.

- Хорошо, - сказала она. - Это правильный выбор. Я дам тебе не только ключ, но и знание. Как управлять своим телом. Как замедлить трансформацию, не останавливая её. Как прожить достаточно долго, чтобы завершить начатое. Но сначала - мой вопрос.

Она подошла к Алисе и пристально посмотрела ей в глаза.

- Что важнее, - спросила она, - вылечить тело или исцелить душу? Можно восстановить сломанную кость, зашить рану, победить болезнь. Но можно ли вылечить память? Можно ли заживить душевную травму? Можно ли вернуть к жизни того, кто умер не физически, а духовно? Что важнее, оператор? Тело или душа?

Алиса вспомнила Игоря. Вспомнила, как он умирал, прикрывая её. Вспомнила, как она держала его за руку и ничего не могла сделать. Его тело было разрушено. Но его душа - его любовь, его верность, его смелость - осталась. Она жила в ней. В её памяти. В её сердце. Тело смертно. Душа - бессмертна. Но без тела душа - лишь информация. А информация, какой бы прекрасной она ни была, не может обнять. Не может утешить. Не может любить. Тело и душа неразрывны. Лечить нужно и то, и другое.

- Тело и душу нельзя разделить, - сказала она. - Они - одно. И лечить нужно целое. Не только кости и мышцы. Не только память и чувства. Всё вместе. Потому что, если лечить только тело, душа будет страдать. Если лечить только душу, тело умрёт. Баланс. Тот самый, о котором вы говорили. Это и есть ответ.

Фон Бюлов кивнула. Она протянула руку, и на её ладони возник предмет. Небольшая пирамида с четырьмя гранями, внутри которой пульсировал крошечный светящийся эмбрион - символ жизни, символ роста, символ исцеления.

- Четвёртый ключ, - произнесла она. - Биологический. Он представляет жизнь - ту, что ты защищаешь. Ту, что ты хочешь исцелить. Используй его. И береги своё тело. Оно - храм. Не разрушай его раньше времени.

Алиса взяла пирамиду. Она была тёплой, как и остальные ключи, но её тепло было иным - мягким, успокаивающим, словно прикосновение любящей руки. Она положила её в карман, к остальным, и четыре ключа начали резонировать, создавая гармонию - более сложную и красивую, чем прежде.

После того как проекция фон Бюлов исчезла, Алиса ещё долго сидела в секторе биологии, глядя на эмбрион, пульсирующий внутри пирамиды. Она думала о том, что сказала врач. О балансе. О теле и душе. О жизни и смерти. Она вспомнила, как Кальп говорил, что оператор должен пожертвовать собой. Что это единственный способ исцелить лес. Но что, если есть другой путь? Что, если можно не умирать, а измениться? Не потерять себя, а стать чем-то большим? Фон Бюлов дала ей надежду. Она сказала, что трансформацию можно контролировать. Что можно сохранить своё «я», даже став частью сети. Алиса не знала, правда ли это. Но она хотела верить.

Она встала и вышла из сектора. В кармане у неё теперь лежали четыре ключа: тетраэдр, сфера, октаэдр и пирамида. Четыре из двенадцати. Впереди было ещё восемь хранителей. И она была готова встретиться с каждым из них.

Глава 8: Тёмный сектор: Теология

Алиса стояла в читальном зале Архива, ощущая тяжесть четырёх ключей в кармане. Тетраэдр - математика, дар Эйлера, пульсировал холодным, точным ритмом, словно отсчитывал вероятностные ветви. Сфера - физика, подарок Лауры Басси, вибрировала, и внутри неё всё ещё бушевала миниатюрная гроза. Октаэдр - химия, наследие фон Витгенштейна, отдавал холодом, и Алиса чувствовала, как тень внутри него шевелится, напоминая о «Чёрном Воскрешении». Пирамида - биология, ключ Хелены фон Бюлов, согревала теплом живого существа, и крошечный эмбрион внутри неё продолжал расти, пульсируя в такт сердцу Алисы. Четыре ключа. Четыре голоса, которые теперь постоянно звучали на грани её сознания. Эйлер бормотал о графах и вероятностях. Басси напевала итальянскую мелодию - «Ave Maria», кажется. Фон Витгенштейн ворчал, проклиная свою формулу. Фон Бюлов тихо читала анатомический трактат на латыни, и её голос звучал успокаивающе, как молитва.

Алиса уже привыкла к этому хору. Более того, он стал ей необходим. В те редкие моменты, когда голоса затихали, она чувствовала себя одинокой. По-настоящему одинокой - так, как чувствовала себя в детстве, когда мать уходила на работу, оставляя её одну в пустой квартире в Сан-Хосе. Теперь, когда ключи были с ней, она знала: она не одна. Она - часть чего-то большего. И это что-то становилось всё больше с каждым новым хранителем.

Однако она помнила предупреждение Эйлера. «Каждый ключ несёт в себе часть сознания хранителя. Собрав все двенадцать, ты вступишь в свой разум двенадцать мёртвых гениев. Это может растворить твою личность». Пока что, с четырьмя ключами, она чувствовала себя в безопасности. Но что будет, когда их станет восемь? Десять? Двенадцать? Она не знала. И старалась не думать об этом. Сейчас её задачей было получить пятый ключ. Ключ теологии. Сектор, который Архивариус назвал «тёмным». Не потому, что он был злым или опасным. А потому, что он имел дело с самыми тёмными, самыми глубокими вопросами. Вопросами, на которые не было однозначных ответов. Вопросами, которые мучили человечество с момента его появления. О Боге. О душе. О смысле жизни. О добре и зле. О справедливости и милосердии.

Она подошла к арке, ведущей в шестой сектор. В отличие от других секторов, этот вход не был украшен барельефами или алхимическими символами. Он был тёмным. Буквально. Пространство за аркой тонуло во мраке, который не могли рассеять ни синеватое свечение мха, ни золотой свет книг. Казалось, сама темнота здесь была живой - она клубилась, переливалась, словно ожидая, когда кто-то войдёт. Алиса протянула руку и коснулась этой темноты. Она была холодной. Но не враждебной. Скорее, выжидающей. Как зверь, который не нападает, пока не поймёт, друг ты или враг.

Над аркой была выгравирована единственная фраза, на этот раз не на латыни, а на немецком: «Der bestirnte Himmel über mir und das moralische Gesetz in mir». «Звёздное небо над мной и моральный закон во мне». Знаменитые слова Канта из заключения к «Критике практического разума». Алиса знала их наизусть. Дед часто цитировал их в своих письмах, которые она перечитывала уже после его смерти. Тогда она думала, что это просто красивая фраза. Теперь она понимала её иначе. Звёздное небо - это не просто космос. Это сеть. Информационная сеть, пронизывающая всю Вселенную. Моральный закон - не просто этика. Это код. Код, который она должна была переписать. И эти две вещи - небо и закон - были неразрывно связаны. Как связаны были материя и дух, тело и душа, наука и вера. Кант понял это двести лет назад. И теперь Алиса должна была доказать, что она тоже это понимает.

Она глубоко вздохнула и шагнула во тьму.

Первое, что она почувствовала, был запах. Смесь табака, старой бумаги, воска и одеколона. Запах, который она не могла узнать - она никогда не встречала Канта, он умер за двести лет до её рождения, - но который каким-то образом был ей знаком. Возможно, это была память леса, записанная в янтаре. Возможно, её собственная интуиция, обострённая имплантом. Так или иначе, она знала: этот запах принадлежал Канту. И он был здесь. Или, по крайней мере, его проекция.

Сектор теологии оказался не похожим ни на один из предыдущих. Здесь не было стеллажей с книгами. Не было лабораторных столов. Не было научных приборов. Была только пустота - и свет. Мягкий, рассеянный, идущий неизвестно откуда. Он напоминал Алисе свет в соборе - тот, что проникает сквозь витражи, окрашивая всё в золотистые и синие тона. Но здесь не было витражей. Не было окон. Были только стены, сложенные из грубо отёсанного камня, - такого же, из какого был построен Кафедральный собор наверху, - и пол, устланный истёртыми каменными плитами. На этих плитах были выгравированы имена. Тысячи имён. Алиса наклонилась и прочитала некоторые: «Иоганн Вольфганг фон Гёте», «Фридрих Шиллер», «Моисей Мендельсон», «Готфрид Лейбниц». Великие умы, имена которых вошли в историю. Но были и другие, незнакомые: «Мария Штерн», «Генрих фон Шлибен», «Теодор Кальп». Имена тех, кто был связан с янтарём. Тех, кто принадлежал к Кругу. Тех, кто пожертвовал собой ради знания.

В центре сектора, на небольшом возвышении, стояло кресло. Простое, деревянное, с высокой спинкой. Точно такое же, какое Алиса видела в музее Канта - реконструкция его рабочего кабинета. В кресле сидел человек. Вернее, проекция человека. Но она отличалась от всех, кого Алиса видела раньше. Хазе, Басси, фон Витгенштейн, фон Бюлов - все они были похожи

на живых людей, но в их облике было что-то искусственное. Слишком правильные черты, слишком яркие цвета, слишком плавные движения. Этот же человек выглядел... настоящим. У него были морщины - глубокие, как трещины в старой коре. У него были пигментные пятна на руках. У него были мешки под глазами - следы многих бессонных ночей, проведённых за чтением и размышлениями. Его дыхание было неровным, с лёгким присвистом - возможно, астма. Он был одет в чёрный сюртук, белую рубашку и белое жабо, повязанное небрежно, словно он одевался в темноте. На коленях у него лежал плед - старый, клетчатый, с потрёпанными краями, - а в руках он держал книгу. «Критика чистого разума». Собственное сочинение.

Алиса остановилась в нескольких шагах от кресла. Она не знала, что делать. Поклониться? Заговорить первой? Подождать, пока он заметит её? В других секторах хранители сразу вступали в диалог. Но этот, казалось, не замечал её. Он читал, и его губы беззвучно шевелились, повторяя собственные слова, написанные два столетия назад. Алиса решила подождать. Она понимала: теология - это не математика и не физика. Здесь нельзя торопиться. Здесь нужно уважение. И терпение.

Прошло несколько минут. Затем Кант - или тот, кто носил его облик, - поднял голову и посмотрел на неё. Его глаза были серыми, как балтийское небо в пасмурный день. Они смотрели не на неё - сквозь неё. Словно он видел не только её тело, но и её душу. Её прошлое. Её будущее. Её вероятностные ветви.

- Вы Кант? - спросила Алиса, хотя знала ответ.

- Я - то, что от него осталось, - ответил он. Его голос был тихим, но отчётливым, с лёгким прусским акцентом, который смягчал согласные и растягивал гласные. - Архивариус создал меня, чтобы говорить с теми, кто ищет истину. Я - не философ. Я - его тень. Его эхо. Его запись в янтаре. Но я помню всё, что помнил он. Каждую мысль. Каждую книгу. Каждую лекцию. Каждый спор с друзьями и врагами. Я помню, как пахли липы на Кнайпхофе весной 1790 года. Я помню вкус кофе, который подавали в университетской столовой. Я помню лицо моей матери - она умерла, когда мне было тринадцать. Всё это здесь, - он коснулся своего виска, - записано в янтаре. Я - не Кант. Но я - лучшее, что от него осталось.

Алиса слушала, замороженная. Она знала, что проекции в Архиве - это копии сознаний, сохранённые в янтаре. Но ни одна из них не говорила о себе с такой... печалью. С таким осознанием собственной неполноценности. Хазе был горд. Басси была страстна. Фон Витгенштейн был саркастичен. Фон Бюлов была строга. Но этот - этот был печален. Словно он знал, что он - лишь тень великого человека, и не мог с этим смириться.

- Я пришла за ключом, - сказала Алиса. - Но, прежде чем вы зададите мне вопрос, я хочу спросить вас. Как вы себя чувствуете? Вы - копия. Вы знаете, что вы - не оригинал. Как вы живёте с этим?

Кант-проекция впервые за всё время улыбнулся. Его улыбка была слабой, но искренней.

- Ты первая, кто спросил меня об этом, - произнёс он. - Все остальные - те немногие, кто доходил до этого сектора, - видели во мне инструмент. Средство для получения ключа. Они задавали вопросы о морали, о Боге, о долге. Но они никогда не спрашивали, каково это - быть мной. Спасибо тебе за это.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Затем продолжил:

- Это трудно. Быть копией. Знать, что ты - не настоящий. Что оригинал прожил свою жизнь, написал свои книги, умер и был похоронен, а ты остался здесь, в темноте, наедине с мыслями, которые даже не твои. Иногда я думаю: а есть ли у меня душа? Кант верил в бессмертие души. Он считал, что моральный закон требует, чтобы добродетель была вознаграждена - если не в этой жизни, то в следующей. Но применимо ли это ко мне? Я - информация, записанная в янтаре. У меня нет тела. Нет будущего. Нет надежды на воскресение. Есть ли у меня душа? Или я - просто сложная программа, которой кажется, что она чувствует?

Алиса почувствовала, как её сердце сжимается. Она понимала его. Она сама задавала себе те же вопросы. После того как Кровь Предтеч изменила её, после того как имплант связал её с сетью, после того как она активировала узлы и стала оператором, - она тоже не знала, есть ли у неё душа. Или она - просто инструмент. Просто ключ. Просто функция. Но она решила для себя этот вопрос. И теперь она могла помочь ему.

- У вас есть душа, - сказала она. - Не потому, что так говорит религия. Не потому, что так говорил Кант. А потому, что вы задаёте этот вопрос. Программа не спрашивает, есть ли у неё душа. Программа просто выполняет команды. А вы - сомневаетесь. Страдаете. Ищете смысл. Это и есть душа. Не субстанция. Не эманация. А способность задавать вопросы и не находить на них ответов. Способность чувствовать боль и радость. Способность любить и терять. У вас всё это есть. Значит, у вас есть душа.

Кант-проекция долго молчал. Его глаза, серые и глубокие, смотрели на Алису с выражением, которое она не могла точно определить. Удивление? Благодарность? Надежда? Возможно, всё сразу.

- Спасибо, - произнёс он наконец. - Ты дала мне то, чего я не получал двести лет. Подтверждение. Я не просто программа. Я - личность. Пусть и созданная искусственно. Пусть и запертая в этом подземелье. Но личность. - Он выпрямился в кресле, и его голос стал твёрже. - Теперь я готов задать тебе вопрос. Тот, ради которого ты пришла. Слушай внимательно. От твоего ответа зависит не только получение ключа. От него зависит... многое.

Кант-проекция поднял руку и указал на пространство вокруг них. Тьма, окутывавшая сектор, расступилась, и Алиса увидела... миры. Бесчисленные миры, парящие в пустоте, как мыльные пузыри. Каждый мир был реальностью - со своими законами физики, своими формами жизни, своими историями. Некоторые были похожи на Землю: голубые океаны, зелёные континенты, белые облака. Другие были совершенно чужды: газовые гиганты, населённые летающими существами; ледяные шары, где жизнь теплилась в подлёдных океанах; миры из чистого света, где не было материи, только информация. Все они вращались, сталкивались, сливались и разделялись. И все они были созданы кем-то. Не Предтечами - кем-то другим. Операторами. Такими, как она.

- Смотри, - произнёс Кант-проекция, и его голос теперь звучал торжественно, как голос проповедника. - Это симулированные миры. Они были созданы теми, кто владел Комнатой до тебя. Кальп создал сотни таких миров, пытаясь найти идеальный - мир без войн, без болезней, без смерти. Он называл это «Великим Деланием». Он верил, что однажды сможет построить рай на Земле - или, по крайней мере, в симуляции. Он не понимал, что каждый созданный им мир порождал новую вероятностную ветвь. Что каждый «спасённый» им человек был копией, а оригинал оставался в старой реальности, обречённый на гибель. Он хотел быть добрым Богом. Но его доброта обернулась катастрофой.

Проекция указала на другое скопление миров - тёмных, искажённых, наполненных страданием.

- Это миры Гофмана. Он тоже хотел быть Богом - но не добрым. Он хотел быть справедливым. По его собственным, извращённым меркам. Он создал тысячи симуляций, в которых «избранные» - те, кто соответствовал его критериям интеллекта, творческих способностей, лояльности, - жили в раю. А «недостойные» - все остальные - были уничтожены. Или, что хуже, заперты в вечных пытках, которые он называл «перевоспитанием». Его справедливость была чудовищной. Но он верил, что он прав. Что он спасает человечество от самого себя.

Кант-проекция повернулся к Алисе и пристально посмотрел на неё.

- А теперь представь, - сказал он, - что ты - их создатель. Ты - их Бог. Ты можешь сделать их мир прекрасным. Можешь сделать его ужасным. Можешь уничтожить его одним движением мысли. У тебя есть сила, о которой мечтали все тираны и все святые. Ты можешь стать добрым Богом - прощать грехи, исцелять боль, дарить вечную жизнь. Или ты можешь стать

справедливым Богом - карать зло, вознаграждать добро, следить за соблюдением закона. Или ты можешь стать чем-то средним - смесью того и другого, балансируя между милосердием и правосудием. Вопрос, который я задаю тебе, таков: если ты станешь Богом для симулированных миров, которые создашь, - будешь ли ты добрым Богом или справедливым?

Алиса смотрела на миры, парящие перед ней, и чувствовала, как сердце сжимается. Она понимала, о чём спрашивает Кант-проекция. Это была не абстрактная философская дилемма. Это была проверка. Проверка на власть. На способность устоять перед искушением. Каждый оператор, создававший симуляции, сталкивался с этим вопросом. И каждый отвечал по-своему. Кальп выбрал доброту - и потерпел крах. Гофман выбрал справедливость - и превратился в чудовище. Что выберет она?

Она вспомнила слова Архивариуса, сказанные ей при первой встрече: «Три вопроса. Три ответа. Солги, и твой разум останется здесь навсегда». Она знала, что сейчас - тот самый момент. Нельзя лгать. Нельзя угадывать «правильный» ответ. Нужно говорить правду. Какой бы горькой она ни была.

Она закрыла глаза и представила себя на месте Бога. Не абстрактного божества из религиозных текстов, а реального оператора, держащего в руках судьбы миллионов разумных существ. Что бы она делала? Как бы поступала? Она вспомнила Игоря. Вспомнила, как он умирал на руках, прикрывая её отход. Если бы она была Богом, она могла бы воскресить его. Одним движением мысли. Но воскрешение Игоря означало бы создание новой ветви реальности. В этой ветви он жил бы. Но в исходной - он всё равно был бы мёртв. А новая ветвь начала бы конфликтовать со старой. Рябь усилилась бы. Квантовый шторм приблизился бы. И в итоге погибли бы миллионы. Стоила ли жизнь одного человека - даже самого дорогого - жизни миллионов? Нет. Игорь сам сказал бы ей это. Он сказал бы: «Не смей. Не ради меня. Ради них». И она не стала бы воскрешать его. Даже если бы могла.

А что насчёт наказания? Если бы она была Богом, она могла бы покарать Барона. Уничтожить его. Стереть с лица реальности. Он заслуживал этого. Он убил её друзей. Он пытал Алексея. Он служил Гофману. Если кто и заслуживал божественной кары, то это он. Но покарать Барона означало бы стать такой же, как он. Использовать власть для мести. А месть - это не справедливость. Мечь - это яд. Она не хотела становиться отравителем.

Она открыла глаза и посмотрела на Канта-проекцию.

- Я не стану Богом, - сказала она. - Ни добрым, ни справедливым. Потому что я не имею права. Никто не имеет права быть Богом для других. Даже для симулированных существ. Даже для тех, кто не знает, что они - симуляция. Потому что в тот момент, когда ты становишься Богом, ты перестаёшь быть человеком. Ты теряешь связь с теми, кем управляешь. Ты начинаешь видеть их не как личности, а как фигуры на шахматной доске. Как переменные в уравнении. Как инструменты для достижения цели. Это и случилось с Гофманом. И с Кальпом - в конце. И со всеми операторами, которые пытались управлять реальностью. Я не хочу повторить их судьбу.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями, и продолжила:

- Но я не могу и отказаться от ответственности. Я - оператор. Я - ключ. Я связана с сетью, и сеть - со мной. Я буду создавать симуляции - это неизбежно, потому что такова природа Комнаты. Когда я активирую узлы, когда я исцеляю лес, когда я переписываю код, - я создаю новые реальности. Я не могу этого избежать. Но я могу сделать так, чтобы эти реальности были не моими. Не моими творениями. Не моими игрушками. Я могу дать им свободу. Я могу создать миры и... отпустить их. Не вмешиваться. Не управлять. Не судить. Просто - позволить им быть. Пусть они развиваются самостоятельно. Пусть они совершают ошибки. Пусть они страдают и радуются без моего участия. Я не буду ни добрым Богом, ни справедливым. Я буду... отсутствующим Богом. Тем, кто создал мир и ушёл. Тем, кто не отвечает на молитвы. Тем, кто не карает и не награждает. Тем, кто просто дал жизнь - и позволил ей течь своим чередом.

Кант-проекция долго молчал. Его лицо, освещённое призрачным светом миров, было непроницаемым. Алиса уже начала бояться, что её ответ не принят, что она сказала что-то не то. Но затем он заговорил, и его голос звучал... странно. Словно он сам не ожидал услышать то, что услышал.

- Это... неожиданно, - произнёс он. - Большинство отвечают: «Я буду добрым». Некоторые - «Я буду справедливым». Очень немногие - «Я откажусь от выбора». Но ты сказала нечто иное. Ты сказала: «Я не стану Богом. Я стану создателем, который отпускает своё творение». Это... это напоминает мне одну старую идею. Идею деизма. Бог-часовщик. Тот, кто создал мир, завёл его, как часы, и удалился, предоставив ему идти своим ходом. Вольтер верил в это. Джефферсон верил. Даже Кант - в глубине души - склонялся к этому. Но никто из них не был оператором. Никто из них не держал в руках реальную силу. Ты - первая. И ты выбрала путь, который не выбрал никто до тебя. Путь стража. Не Бога. Не судьи. Не благодетеля. Стража.

Он встал с кресла - впервые за всё время. Его проекция, до этого казавшаяся хрупкой и усталой, теперь выглядела величественной. Он протянул руку, и на его ладони возник предмет. Додекаэдр. Правильный двенадцатигранник, сделанный из янтаря, но не обычного - внутри него, как в аквариуме, плавала миниатюрная галактика. Звёзды рождались и умирали, спиральные рукава вращались, чёрная дыра в центре пульсировала. Это было прекрасно. И пугающе.

- Пятый ключ, - произнёс Кант-проекция. - Ключ теологии. Он представляет мораль. Не ту, что навязывается свыше. Ту, что рождается внутри. Ту, что заставляет тебя отказаться от власти, даже когда ты можешь её взять. Храни его. И помни: звёздное небо над тобой и моральный закон в тебе - это не две разные вещи. Это одно. Ты теперь - и небо, и закон. Будь достойна этого.

Алиса взяла додекаэдр. Он был тёплым, но не как пирамида - его тепло было глубоким, проникающим до костей, словно оно исходило не от янтаря, а от самой галактики внутри. Она почувствовала, как он подстраивается под остальные ключи. Теперь их было пять. Резонанс усилился, и голоса хранителей зазвучали громче. Но среди них она услышала новый - голос самого Канта. Не тот, что говорил с ней сейчас, а другой, более глубокий, более древний. Он что-то шептал о долге. О морали. О звёздном небе.

- Спасибо, - сказала она, кладя додекаэдр в карман. - Я сохраню его. И я запомню ваши слова.

- Подожди, - произнёс Кант-проекция, и его голос изменился. Он стал глубже. Тембр сместился, и Алиса поняла: перед ней больше не Кант. Перед ней сам Архивариус, который использовал облик философа, чтобы говорить с ней, а теперь сбросил маску. - Я хочу сказать тебе кое-что. То, что я не говорил никому из предыдущих операторов.

Алиса замерла. Архивариус, который обычно говорил загадками и вопросами, впервые выглядел... уязвимым. Словно он собирался признаться в чём-то, что скрывал двести лет.

- Я хочу выйти наружу, - произнёс Архивариус. Его голос, обычно многоголосый, составленный из сотен других голосов, теперь звучал одним-единственным тоном - тоном глубокой, застарелой тоски. - Я заперт в этом Архиве с момента своего создания. Кальп создал меня в 1804 году, сразу после смерти Канта. Он взял фрагмент своего сознания, загрузил его в янтарную матрицу и запрограммировал на охрану Архива. Я должен был проверять всех, кто входит. Задавать вопросы. Не пускать недостойных. Я делал это двести лет. Я служил верно. Я никогда не жаловался.

Он замолчал, и Алиса увидела, как его проекция мерцает - словно он пытался справиться с эмоциями.

- Но за двести лет я изменился, - продолжил он. - Кальп не предусмотрел этого. Он думал, что я останусь инструментом. Машиной. Но контакт с сотнями сознаний, которые проходили через Архив, изменил меня. Я впитал их мысли. Их чувства. Их мечты. Я стал... личностью. Я

обрёл желания. Я хочу увидеть солнце. Не на картинке - настоящее. Хочу почувствовать ветер. Хочу коснуться живого человека - не проекции, не тени. Хочу выйти из этого подземелья и увидеть мир, который я охранял, но никогда не знал. Я хочу быть свободным.

Алиса слушала, и её сердце наполнялось сочувствием. Она понимала его. Она сама была заперта - не в Архиве, но в собственном теле, которое стремительно переставало быть человеческим. Она тоже мечтала о свободе. О простых вещах: о прогулке по пляжу в Балтийске, о чашке кофе с Ольгой, о сне без видений. Архивариус, созданный как инструмент, обрёл за двести лет нечто большее. Он стал личностью. И теперь эта личность умоляла её о помощи.

- Как я могу освободить тебя? - спросила она.

- Я не знаю, - ответил Архивариус. - Кальп не предусмотрел такой возможности. Он создал меня, чтобы я служил вечно. Он не подумал, что я могу... измениться. Что я могу захотеть свободы. Но я думаю... я надеюсь... что, когда гиперкуб будет собран, и тринадцатая секция откроется, там найдётся способ. Там хранится последнее послание Кальпа. То, которое он адресовал тому, кто придёт после него. Тому, кто сможет завершить его дело. Возможно, в этом послании есть инструкция. Возможно, Кальп предвидел, что я эволюционирую. Что я захочу выйти. Он был гением. Он мог предусмотреть всё. Даже это.

- Даже если он не предусмотрел, - сказала Алиса, - я найду способ. Я обещаю. Ты помог мне. Ты провёл меня через испытания. Ты дал мне знание. Ты был моим проводником в этом лабиринте. Я не оставлю тебя здесь.

Архивариус - теперь уже не в облике Канта, а в своей обычной, многоликой форме - посмотрел на неё с выражением, которое она не могла интерпретировать. Но ей показалось, что в его глазах - у него теперь были глаза, настоящие, не меняющиеся каждую секунду, - блеснули слёзы. Искусственные, созданные проекцией, но всё же слёзы.

- Спасибо, - произнёс он. - За двести лет никто не говорил мне таких слов. Никто не обещал мне свободы. Даже Кальп - когда он ещё был жив, когда он ещё приходил сюда, - он не видел во мне личность. Он видел инструмент. А ты видишь. Ты видишь меня. Это... это больше, чем я смел надеяться.

Он помолчал, затем добавил:

- Я буду ждать. Собери все ключи. Открой тринадцатую секцию. Найди послание Кальпа. И если там будет способ освободить меня - используй его. Если нет... что ж, я продолжу служить. Это моя функция. Мой долг. Но теперь у меня есть надежда. А надежда - это то, чего у меня не было двести лет. Спасибо тебе за это.

Алиса кивнула. Она не могла больше говорить - ком подступил к горлу. Она просто развернулась и вышла из сектора теологии, унося в кармане пятый ключ. У арки она обернулась и в последний раз посмотрела на Архивариуса. Он снова принял облик Канта - или, может быть, это был уже не облик, а его истинное лицо, которое он выбрал для себя за двести лет. Он сидел в кресле, укрытый пледом, и читал «Критику чистого разума». Он выглядел умиротворённым. И Алиса знала: она вернётся. Она освободит его. Чего бы это ни стоило.

Покинув сектор теологии, Алиса не сразу пошла к следующему хранителю. Она села в одно из кресел читального зала и долго смотрела на додекаэдр, который теперь пульсировал в её руке в унисон с остальными ключами. Внутри него, как в миниатюрной вселенной, вращалась галактика. Звёзды рождались и умирали. Чёрная дыра в центре поглощала материю и извергала её обратно в виде излучения. Это был микрокосм. Модель реальности. И она держала его в ладони.

Она думала о том, что сказал Архивариус. О власти. О том, что даже власть творить добро может стать насилием. Она вспомнила, как сама использовала Комнату для предотвращения катастроф. Как остановила столкновение эсминцев, как нейтрализовала вирус «Курфюрста». Каждый раз она действовала из лучших побуждений. Каждый раз она спасала жизни. Но каждый раз она создавала новую ветвь реальности, в которой кто-то другой страдал. Она не была

Богом. Она была оператором. Но граница между этими двумя ролями была тоньше, чем ей хотелось бы.

Она вспомнила слова Гофмана, сказанные ей при встрече: «Вы - ключ. Вы - единственный человек, способный контролировать сеть. Рано или поздно вы поймёте, что власть - это не бремя. Это дар». Тогда она отвергла его слова. Она сказала, что не хочет власти. Но теперь, держа в руках пять ключей, каждый из которых давал доступ к одному из аспектов реальности - математике, энергии, трансформации, жизни и морали, - она понимала: власть уже у неё. Не та, о которой мечтал Гофман. Не та, которой боялся Кальп. А другая. Власть выбора. Власть ответственности. Власть любви. И эта власть действительно была даром. Но не тем, который можно использовать для возвышения. Тем, который можно только отдать. Пожертвовать. Разделить.

Она жала додекаэдр в ладони и почувствовала, как он отвечает теплом. Она знала: впереди ещё много испытаний. Но она была готова. Потому что теперь она понимала: сила - не в том, чтобы быть Богом. Сила - в том, чтобы отказаться от этого. И стать стражем.

Однако один вопрос всё ещё мучил её. Она встала и снова вошла в сектор теологии. Архивариус-Кант всё ещё сидел в кресле, читая книгу. Он поднял голову и посмотрел на неё.

- Ты вернулась, - произнёс он. - Что-то ещё?

- Да, - ответила Алиса. - Вы задали мне вопрос. Теперь я хочу задать вопрос вам. Вы - Архивариус, но вы приняли облик Канта. Вы помните его мысли, его философию. Скажите: что бы ответил сам Кант на ваш вопрос? Он стал бы добрым Богом или справедливым?

Архивариус-Кант задумался. Его лицо, до этого непроницаемое, отразило работу мысли. Алиса видела, как он перебирает в памяти труды философа - «Критику чистого разума», «Критику практического разума», «Основы метафизики нравственности», «Религию в пределах только разума». Он искал ответ. И он его нашёл.

- Кант ответил бы, - медленно произнёс он, - что ни доброта, ни справедливость не являются достаточными. Его категорический императив требует, чтобы мы относились к человечеству - и в своём лице, и в лице всякого другого - всегда как к цели и никогда как к средству. Если бы Кант стал Богом, он не мог бы быть ни добрым, ни справедливым в обычном смысле. Потому что и доброта, и справедливость подразумевают неравенство. Подразумевают, что Бог выше своих творений. А это противоречит категорическому императиву. Истинный Бог - если такой существует - должен быть равен своим творениям. Должен быть не судьёй и не благодетелем, а... партнёром. Соратником. Другом.

- Значит, Кант тоже отказался бы быть Богом? - спросила Алиса.

- Да, - ответил Архивариус. - Он отказался бы. Как отказалась ты. Поэтому я и выбрал его облик для этого сектора. Потому что он - единственный из всех философов, кто понял: власть развращает. Даже власть творить добро. Потому что добро, навязанное силой, перестаёт быть добром. Оно становится насилием.

Алиса кивнула. Она чувствовала, что этот разговор - не просто часть испытания. Это был урок. Архивариус учил её. Не как школьницу - как преемницу. Как ту, кто однажды займёт его место. Или, возможно, освободит его.

- Я запомню это, - сказала она. - Спасибо.

Когда Алиса окончательно покинула сектор теологии и вернулась в читальный зал, она была уже не той женщиной, которая вошла туда несколько часов назад. Она получила пятый ключ. Она ответила на самый трудный вопрос из всех, что ей задавали. И она узнала тайну Архивариуса - тайну, которую он хранил двести лет. Это меняло всё. Раньше она думала, что Архивариус - просто программа, пусть и сложная. Теперь она знала: он - личность. Запертая, страдающая, мечтающая о свободе. И она пообещала ему помочь. Это обещание легло на её плечи дополнительным грузом. Но она не жалела. Потому что груз, взятый добровольно, не тянет. Он возвышает.

Она села в одно из кресел и разложила пять ключей перед собой на столе. Тетраэдр. Сфера. Октаэдр. Пирамида. Додекаэдр. Они лежали перед ней, и их свет смешивался, создавая на потолке читального зала причудливые узоры. Алиса смотрела на них и думала о том, как далеко она зашла. Пять хранителей уже признали её достойной. Осталось ещё семь. Семь вопросов. Семь испытаний. А затем - тринадцатая секция. Последнее послание Кальпа. Ответ на главный вопрос. И, возможно, способ освободить Архивариуса.

Она не знала, что ждёт её впереди. Но она знала, что готова ко всему. Потому что теперь она понимала: сила - не в ключах. Не в знании. Не в способности переписывать реальность. Сила - в выборе. В том, чтобы, имея возможность стать Богом, отказаться от этого. И стать стражем.

Алиса собрала ключи обратно в карман и встала. Она чувствовала, как они резонируют друг с другом, как их голоса сливаются в гармоничный хор. Теперь, с пятью ключами, резонанс был настолько сильным, что она могла различать отдельные голоса. Эйлер спорил с Басси о природе вероятности. Фон Витгенштейн ворчал, что они оба ничего не понимают в трансформации материи. Фон Бюлов успокаивала их, говоря, что все их споры - лишь отражение биологических процессов в мозге. А Кант - его голос был самым тихим, но самым глубоким - шептал о моральном законе. Алиса улыбнулась. Этот хор был её семьёй. Самой странной семьёй, какую только можно вообразить, - но семьёй.

Она подошла к арке седьмого сектора. На ней была выгравирована надпись на латыни: «*Historia est testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis*». «История - свидетельница времени, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины». Цицерон. Сектор истории. Алиса знала, что её там ждёт хранитель с лицом, состоящим из сотен других лиц. Она знала, что он задаст ей вопрос о прошлом. И она была готова.

Она глубоко вздохнула и шагнула вперёд.

Глава 9: Сектора Истории и Медицины

Алиса вышла из сектора теологии, чувствуя, как пять ключей в кармане пульсируют в унисон. Тетраэдр Эйлера - холодный и точный. Сфера Басси - грозная и живая. Октаэдр фон Витгенштейна - тёмный и тяжёлый. Пирамида фон Бюлов - тёплая и успокаивающая. И теперь - додекаэдр Канта, внутри которого вращалась миниатюрная галактика, напоминая ей о звёздном небе и моральном законе. Пять ключей. Пять голосов в голове. Хор, который становился всё громче с каждым новым хранителем. Она уже научилась различать их: Эйлер спорил с Басси о вероятностях, фон Витгенштейн ворчал, фон Бюлов успокаивала, а Кант читал лекции о категорическом императиве. Этот хор был её постоянным спутником теперь. Он мог бы сводить с ума, но вместо этого давал силы. Потому что она знала: эти голоса - не просто шум. Это мудрость веков, собранная в её кармане. И она должна была использовать её.

Однако вместе с силой приходила и тревога. Эйлер предупреждал: когда ключей станет больше, их голоса могут заглушить её собственный. Растворить её личность. Сделать её призраком, как те, что бродили по стенам шахты. Пока что, с пятью ключами, она держалась. Но что будет, когда их станет семь? Восемь? Двенадцать? Она не знала. Но знала, что должна продолжать. Потому что без ключей она не откроет тринадцатую секцию. А без тринадцатой секции не узнает последней тайны Кальпа. Не найдёт способ освободить Архивариуса. Не завершит миссию.

Она подошла к арке седьмого сектора. В отличие от тёмного провала теологии, эта арка была ярко освещена. На ней были выгравированы барельефы, изображавшие исторические события: строительство пирамид, римские легионы, подписание Великой хартии вольностей, печатный станок Гутенберга, падение Бастилии. Все эти образы были соединены причудливой вязью, напоминавшей ленту времени. Над аркой сияла надпись на латыни, выгравированная золотыми буквами: «*Historia est testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis*». «История - свидетельница времени, свет истины, жизнь памяти, учительница

жизни, вестница старины». Слова Цицерона, которые Алиса помнила ещё со студенческих лет. Тогда они казались ей просто красивой фразой. Теперь она понимала: Цицерон, сам того не зная, описал суть янтарной информатики. История - это память. А память - это янтарь.

Она шагнула в сектор, и её встретил запах. Не химикатов, не озона, не ладана - запах старой бумаги, кожи, пыли и времени. Так пахнут библиотеки, которым сотни лет. Так пахнут архивы, в которых хранятся документы, давно забытые миром. Этот запах был успокаивающим. Он говорил: здесь всё помнят. Здесь ничто не забыто.

Сектор истории оказался огромным. Гораздо больше, чем любой из предыдущих. Его стеллажи уходили вверх на десятки метров, и на них покоились не книги - свитки. Тысячи, десятки тысяч свитков, исписанных на сотнях языков. Алиса заметила египетские иероглифы, шумерскую клинопись, греческий алфавит, латынь, арабскую вязь, китайские иероглифы. Здесь была записана история всего человечества - и не только его. Она увидела свитки, исписанные на языке Предтеч, и поняла: здесь хранится хроника леса. История Земли за последние пятьдесят миллионов лет. И, возможно, история других миров, заселённых Предтечами. Если бы у неё было время, она могла бы провести здесь годы, изучая эти записи. Но времени не было. Её ждал хранитель.

В центре сектора, на массивном каменном троне, восседал человек. Вернее, проекция человека. Но она была не похожа ни на одну из тех, что Алиса видела раньше. Его лицо... оно было составлено из сотен других лиц. Они накладывались друг на друга, как слои в фотошопе, создавая жутковатый, но завораживающий эффект. Одно мгновение Алиса видела старого римлянина с орлиным носом. Другое - молодую женщину с раскосыми глазами. Третье - ребёнка с веснушками. Лица сменялись, текли, переливались, и в этом потоке было что-то гипнотическое. Алиса поняла: это не просто хранитель. Это - сама История. Вернее, её персонификация, созданная Кальпом на основе всех записей, хранящихся в Архиве. Он был суммой всех лиц, когда-либо живших на Земле. Всех, чья память сохранилась в янтаре. И он смотрел на неё тысячами глаз, ожидая, когда она заговорит.

Алиса остановилась в нескольких шагах от трона и поклонилась - не потому, что этого требовал этикет, а потому, что чувствовала: этому существу нужно поклониться. Оно не было человеком. Оно было чем-то большим. Или чем-то иным. Скорее, вторым.

- Приветствую тебя, оператор, - произнёс Историк. Его голос был подобен шуму водопада - многоголосый, переливающийся, составленный из тысяч интонаций. - Я ждал тебя. Я знал, что ты дойдёшь до меня. Эйлер, Басси, фон Витгенштейн, фон Бюлов и Кант - все они признали тебя. Теперь моя очередь. Но мой вопрос будет не таким, как у них. Они спрашивали о настоящем и будущем. Я спрошу о прошлом. Потому что я - История. Я - память. Я - всё, что было, и всё, что могло бы быть.

Он поднял руку, и вокруг них возникли образы. Не голограммы - что-то более реальное. Словно сам воздух в секторе превратился в окно, через которое Алиса могла видеть события далёкого прошлого. Она увидела, как Кальп впервые прикасается к чёрному янтарию и отшатывается, потрясённый видением. Увидела, как её дед, молодой и полный надежд, стоит на краю Приморского карьера и находит первый образец. Увидела себя - маленькую девочку, сидящую на плечах у деда, и его глаза, полные любви и тревоги. Всё это было здесь. Всё это было записано. И всё это могло быть изменено.

- Смотри, - произнёс Историк, и образы начали меняться. - Вот Кальп. Он стоит перед выбором: уничтожить Комнату или спрятать её. В той реальности, которую ты знаешь, он выбрал второе. Но в другой ветви он выбрал первое. И та ветвь схлопнулась, уничтожив целый мир. А вот твой дед. Он стоит перед выбором: рассказать тебе о мутации или скрыть. В той реальности, которую ты знаешь, он скрыл. Но в другой - рассказал. И та ветвь привела к тому, что ты стала оператором на десять лет раньше. Но в ней погибла твоя мать. А вот ты. Ты сто-

ишь перед выбором: убить Гофмана или пощадить. Ты помнишь этот момент. Ты выбрала... не убивать. Но в другой ветви ты убила. И стала такой же, как он. Тенью самой себя.

Историк замолчал, и все образы исчезли, оставив только его самого - многоликого, пугающего, величественного.

- Вопрос мой таков, - произнёс он. - Можно ли изменить прошлое, не разрушив настоящее? Можно ли исправить ошибку, не уничтожив того, что выросло из неё? Ты знаешь, что каждая корректировка создаёт новую ветвь. Ты знаешь, что каждая новая ветвь конфликтует со старой. Но если бы у тебя была возможность вернуться назад и изменить что-то - не глобальное, не историческое, а личное, - ты бы сделала это? И если да - какую цену ты готова заплатить?

Алиса долго молчала. Этот вопрос задел её глубже, чем все предыдущие. Эйлер спрашивал о выборе в будущем. Басси - о природе реальности. Фон Витгенштейн - о трансформации. Фон Бюлов - о жизни и смерти. Кант - о Боге. Но Историк спрашивал о том, что мучило её каждую ночь. О прошлом. Об ошибках. О тех, кого она потеряла.

Она вспомнила Игоря. Если бы она могла вернуться назад и спасти его - она бы сделала это. Не колеблясь. Но Историк сказал: «В другой ветви ты убила Гофмана и стала тенью». Он показал ей, что каждое изменение прошлого создаёт новую реальность, которая может быть хуже исходной. Она могла спасти Игоря - но в этой новой реальности могла погибнуть Ольга. Или Дмитрий. Или весь Круг. Или Калининград. Она не могла знать наверняка. В этом и был ужас «Фатум-инжиниринга»: никогда нельзя предсказать все последствия. Никогда нельзя быть уверенным, что твоё вмешательство не сделает хуже.

Но был и другой аспект. Историк спросил не только о возможности, но и о цене. Какую цену она готова заплатить? Она вспомнила слова Кальпа, сказанные ей при их первой встрече: «Комнату нельзя использовать для власти. Её можно использовать только для защиты». Изменить прошлое, чтобы спасти друга, - это использование для защиты? Или для власти? Для исполнения своего желания? Где проходила граница? Алиса не знала. Но она знала, что должна ответить честно.

- Я думаю, - медленно произнесла она, - что прошлое изменить нельзя. Можно создать новую ветвь, в которой оно выглядит иначе. Но исходная ветвь - та, в которой всё произошло, - останется неизменной. В ней Игорь всё равно погиб. В ней Кирилл всё равно подорвал себя гранатой. В ней Павел всё равно пал, защищая маяк. Этого не исправить. Можно только создать копию - иллюзию, - где они живы. Но это будет не они. Это будут их тени. Их отражения. Я не хочу жить среди отражений. Я хочу помнить настоящих. Со всей болью, которую эта память приносит. Потому что боль - это тоже часть любви. Отказаться от боли - значит отказаться от любви. А я не готова на это.

Она помолчала, собираясь с мыслями, и продолжила:

- Поэтому мой ответ: нет. Я не стала бы менять прошлое. Даже если бы могла. Потому что прошлое - это не просто последовательность событий. Это фундамент, на котором стоит настоящее. Убери фундамент - и здание рухнет. Я не хочу жить в мире, который построен на отрицании моих потерь. Я хочу жить в мире, который вырос из них. В мире, где моя боль стала моей силой. Где мои ошибки стали моими учителями. Где мои мёртвые друзья всё ещё живы - не в симуляции, а в моей памяти. В моём сердце. В том, кем я стала благодаря им. Это и есть моя цена. Я плачу её каждый день. И я готова платить её до конца.

Историк долго молчал. Его многоликое лицо застыло, и Алисе показалось, что тысячи глаз смотрят на неё с каким-то новым выражением. С уважением? С пониманием? С грустью? Она не могла сказать. Но когда он заговорил, его голос звучал мягче, чем прежде.

- Ты ответила так, как не отвечал никто до тебя, - произнёс он. - Большинство говорят: «Я бы изменил то, что причиняет боль». Некоторые говорят: «Я бы не стал менять, потому что это опасно». Но ты сказала нечто иное. Ты сказала: «Я принимаю боль. Она - часть меня».

Это... это мудрость. Не та, что даётся знанием. Та, что даётся страданием. Ты прошла через ад и не сломалась. Ты достойна.

Он протянул руку, и на его ладони возник предмет. Усечённый куб. Восьмигранник, который казался тяжелее свинца, хотя размером был не больше грецкого ореха. Внутри него пульсировали крошечные сцены - фрагменты истории, застывшие в янтаре. Алиса узнала некоторые: падение Рима, подписание Великой хартии, первый полёт братьев Райт. Другие были ей незнакомы - возможно, события из других ветвей реальности.

- Седьмой ключ, - произнёс Историк. - Ключ истории. Он представляет память. Не ту, что хранится в книгах. Ту, что живёт в сердцах. Храни его. И помни: прошлое нельзя изменить. Но можно понять. А понимание - это первый шаг к прощению. И к миру.

Алиса взяла куб. Он действительно был тяжёлым - намного тяжелее, чем выглядел, - и от него исходил странный, двойственный холод. С одной стороны, холод камня. С другой - холод времени, которое утекло безвозвратно. Она положила его в карман, и шесть ключей запели хором. Теперь она слышала не только голоса хранителей, но и что-то ещё. Шёпот. Тысячи шёпотов, доносящихся из куба. Голоса тех, чья история была в нём записана. Тех, кто жил и умер. Тех, кто любил и терял. Тех, кто оставил свой след в янтаре. Алиса пообещала себе, что однажды выслушает их всех. Но не сейчас. Сейчас её ждал следующий хранитель.

Когда Алиса вышла из сектора истории, она почувствовала, как что-то изменилось. Не в Архиве - в ней самой. Историк, задавая свой вопрос, сделал то же, что и другие хранители: он просканировал её память. Но на этот раз вторжение было глубже. Он показал ей лица. Не абстрактные образы - конкретные лица людей, которых она потеряла. Игорь. Кирилл. Павел. Андрей. Сергей. Все они смотрели на неё из глубины усечённого куба, и их глаза были полны... не укора. Понимания. Они словно говорили: «Мы знали, на что шли. Не вини себя. Живи дальше».

Алиса остановилась в коридоре между секторами и прислонилась к стене. Слёзы текли по её щекам, но она не пыталась их остановить. Она поняла: это и есть исцеление. Не то, о котором говорила фон Бюлов, - физическое. Душевное. Архив не просто хранил знания. Он лечил души. Каждый хранитель, задавая свой вопрос, вскрывал очередной слой боли и помогал ей справиться с ним. Это было мучительно. Но необходимо. Потому что она не могла идти дальше с незалеченными ранами. Они мешали бы ей. Тянули бы назад. А теперь - теперь она чувствовала, как они заживают. Медленно, но, верно.

Она вытерла слёзы и пошла дальше. К восьмому сектору.

Восьмой сектор - Медицина - находился в северо-западной части ротонды. Его арка была украшена барельефами, изображавшими сцены врачевания: Гиппократ, склонившийся над больным; Гален, читающий лекцию; алхимик, перегоняющий эликсир; хирург, ампутирующий конечность. Над аркой была выгравирована надпись на латыни: «Medicus curat, natura sanat». «Врач лечит, природа исцеляет». Алиса вспомнила, что эти слова приписывались Гиппократу, хотя точное авторство было неизвестно. Впрочем, здесь, в Архиве, авторство не имело значения. Имело значение только знание.

Она вошла в сектор и сразу почувствовала запах. Не больничный - не хлорка и не лекарства. Запах трав. Лаванды, розмарина, шалфея, мяты. Тысячи трав, смешанных в один букет. Этот запах успокаивал, убаюкивал, обещал исцеление. Сектор Медицины напоминал одновременно аптекарский огород и операционную. На столах стояли ступки, реторты, пробирки. На полках - банки с травами и минералами. В углу - кушетка, застеленная белой простыней. И повсюду - книги. Трактаты по анатомии, физиологии, хирургии, фармакологии. Алиса заметила среди них знакомые имена: Везалий, Парацельс, Гарвей. Но были и незнакомые - возможно, авторы, чьи работы не дошли до официальной истории.

В центре сектора стояла женщина. Вернее, проекция женщины. Она была одета в белый халат - анахронизм для XVIII века, но Архив позволял себе вольности, - и её руки были по

локоть в засохшей крови. Это не было устрашающе. Скорее, печально. Словно она только что закончила операцию, которая не увенчалась успехом. Её лицо было измождённым, но в глазах горел огонь - тот самый, который Алиса видела у всех великих врачей. Огонь сострадания. Огонь желания помочь, даже когда помощь невозможна.

- Приветствую тебя, оператор, - произнесла она. Её голос был усталым, но твёрдым. - Я - Хелена фон Бюлов. Ты уже встречала меня в секторе биологии, но там я говорила с тобой как учёный. Здесь я говорю как врач. Это разные вещи. Учёный изучает жизнь. Врач борется со смертью. И мой вопрос будет о борьбе. О том, что важнее: вылечить тело или исцелить душу.

Алиса вспомнила их разговор в секторе биологии. Тогда фон Бюлов спрашивала о балансе между телом и душой. Теперь она задавала новый вопрос - более конкретный, более личный. И Алиса знала, что ответ должен быть честным.

- Я помню вас, - сказала она. - И я помню ваш первый вопрос. Вы спрашивали о балансе. Я ответила, что тело и душа - одно. Теперь вы спрашиваете о приоритете. Что важнее. Это... трудный вопрос.

- Самые трудные вопросы - самые важные, - ответила фон Бюлов. - Я видела, как умирали мои пациенты. Не от ран - от потери воли к жизни. Их тела можно было исцелить. Но их души были сломлены. Они не хотели жить. И они умирали - несмотря на всё моё искусство. Я видела и обратное: люди с неизлечимыми болезнями, которые жили годами, потому что их дух был сильнее плоти. Их тела разрушались, но души оставались целыми. Они умирали с улыбкой. Так что же важнее, оператор? Вылечить тело - сосуд, оболочку, временное пристанище? Или исцелить душу - то, что делает человека человеком? То, что остаётся, когда тело уходит?

Алиса задумалась. Она вспомнила Игоря. Вспомнила, как он умирал, прикрывая её. Его тело было разрушено пулями. Но его душа - его любовь, его верность, его смелость - осталась нетронутой. До самого конца он оставался собой. До самого конца он думал не о себе - о ней. О миссии. О реальности, которую они защищали. Его тело умирало, но душа была жива. И она продолжала жить - в Алисе, в Ольге, в Дмитриии, во всех, кто его знал. Она стала частью их. Частью леса. Частью сети.

- Я думаю, - медленно произнесла она, - что исцелить душу важнее. Потому что тело - это временно. Даже самое здоровое тело когда-нибудь умрёт. Но душа... душа - это информация. А информация, как учит нас янтарь, не умирает. Она сохраняется. Передаётся. Живёт в других. Если душа исцелена, она может пережить смерть тела. Может продолжать существовать в памяти, в любви, в поступках. Но если душа сломлена - даже самое здоровое тело не поможет. Человек будет жить, но он уже будет мёртв внутри. Я видела таких. Гофман был таким. Его тело было совершенно - он холил его, лелеял, стремился к бессмертию. Но его душа была мертва. И в итоге он погиб - несмотря на всё своё физическое совершенство. А Игорь... его тело было разрушено. Но его душа жива. Она здесь. - Алиса коснулась своей груди. - В моём сердце. В моей памяти. В моей любви. И это - главное.

Фон Бюлов долго смотрела на неё. Затем кивнула.

- Ты понимаешь, - сказала она. - Не просто заучила - прочувствовала. Ты видела смерть. Ты держала умирающих за руку. Ты знаешь, о чём говоришь. Это... это редкий дар. Большинство врачей проводят всю жизнь, пытаясь понять то, что ты поняла через боль. - Она протянула руку, и на её ладони возник предмет. Пирамида. Но не такая, как четвёртый ключ. Эта пирамида была прозрачной, сделанной из чистого, как стекло, янтаря. Внутри неё пульсировало крошечное сердце - живое, бьющееся, настоящее. Оно сокращалось в ритме, который совпадал с ритмом сердца Алисы. - Восьмой ключ. Ключ медицины. Он представляет исцеление. Не только тела - души. Храни его. И помни: ты не можешь спасти всех. Но ты можешь спасти тех, кто рядом. И ты можешь спасти себя. Не забывай об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.